

Ассоциация
Российских
Банков

Национальный исследовательский
институт Доверия, Достоинства и Права

ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Материалы «Рабочего завтрака у Тосуняна»
16 ноября 2024 года

ДОКЛАДЧИКИ:

Момджян Карен Хачикович

доктор философских наук,
профессор

Лекторский Владислав Александрович

академик РАН, доктор философских наук,
декан философского факультета
Государственного академического университета гуманитарных наук

Кржевов Владимир Сергеевич

кандидат философских наук, доцент кафедры
социальной философии и философии истории
философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

НКС ООН РАН

Научно-консультативный совет
по правовым, психологическим
и социально-экономическим проблемам общества
Отделения общественных наук РАН

АРБ

Ассоциация российских банков

НИИ ДДиП

Национальный исследовательский институт
Доверия, Достоинства и Права

Философия в современном мире

Материалы заседания 16 ноября 2024 года

Под общей редакцией
академика РАН
Г.А. Тосуняна

Москва
2025

УДК 14(100)"654"(063)

ББК 87.0(0)я431

Ф12

Философия в современном мире: материалы заседания 16 ноября 2024 года / Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук Российской академии наук ; Ассоциация российских банков ; Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права ; [под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна]. — М. : ООО «Новые печатные технологии», 2025. — 218 с. – ISBN 978-5-6052881-9-0.

Настоящий сборник посвящен современной философии.

Известные российские философы анализируют ее основные направления и проблематику, задачи и сущность.

Авторы не только отвечают на вопрос, насколько философия является сегодня актуальной. Они дискутируют о роли философии в области теории познания, логики, методологии, науки, этики и эстетики. Также обсуждается вопрос о том, является ли философия наукой, или нет, и какое место она занимает в системе знаний.

УДК 14(100)"654"(063)

ББК 87.0(0)я431

Охраняется в соответствии с международным правом и российским законодательством об авторском праве.

ISBN 978-5-6052881-9-0

© Тосунян Г.А., составление, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Состав Научно-консультативного совета по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества (НКС ППСЭПО) ООН РАН	6
Справка	11

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

акад. ТОСУНЯН Г.А.	14
ДОКЛАД 1. проф. МОМДЖЯН К.Х.	22
проф. МЕДВЕДЕВ П.А. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	46
САВАТЮГИН А.Л. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	50
чл.-корр. РЫСКЕЛЬДИЕВА Л.Т. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	52
чл.-корр. ВАСИЛЬЕВ В.В. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	53
акад. ИВАНОВА Н.И. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	56
к. э. н. САРКИСЯН Т.С. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	58
проф. МИРКИН Я.М. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	60
СМОЛИН В.С. – акад. ТОСУНЯН Г.А. – проф. МОМДЖЯН К.Х.	62
акад. ТОСУНЯН Г.А.	64
ДОКЛАД 2. акад. ЛЕКТОРСКИЙ В.А.	65
проф. МОКИЙ М.С. – акад. ЛЕКТОРСКИЙ В.А.	100

д. филос. н. НЕСТЕРОВ А.Ю. – акад. ЛЕКТОРСКИЙ В.А.	105
ИГИТЯН М.Ю. – акад. ЛЕКТОРСКИЙ В.А.	111
СМОЛИН В.С. – акад. ЛЕКТОРСКИЙ В.А.	113
к. э. н. МАРДАНОВ Р.Х. – акад. ЛЕКТОРСКИЙ В.А.	115
ДОКЛАД 3. к. филос. н. КРЖЕВОВ В.С.	117
проф. МОМДЖЯН К.Х. – к. филос. н. КРЖЕВОВ В.С. – проф. МЕДВЕДЕВ П.А.	126
д. филос. н. НЕСТЕРОВ А.Ю. – к. филос. н. КРЖЕВОВ В.С.	128
ДИСКУССИЯ	
акад. ТОСУНЯН Г.А. – акад. ЛЕКТОРСКИЙ В.А.	130
к. г. н. АКСЕНОВ Г.П.	133
к. филос. н. ЕФРЕМОВ О.А.	137
акад. СМИРНОВ А.В	144
чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф.	152
д. филос. н. ШЕВЧЕНКО В.Н.	155
д. э. н. МОКИЙ М.С.	162
д. филос. н. НЕСТЕРОВ А.Ю.	164
к. ю. н. МАРКАРЬЯН Р.В.	166
акад. ТОСУНЯН Г.А.	169
САВАТЮГИН А.Л.	171

проф. МЕДВЕДЕВ П.А. 173

**ИГИТЯН М.Ю. – к. ю. н. ТОРШИН А.П. –
акад. ТОСУНЯН Г.А.** 174

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

проф. МОМДЖЯН К.Х. 178

акад. ЛЕКТОРСКИЙ В.А. 184

к. филос. н. КРЖЕВОВ В.С. 192

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

акад. ГУСЕЙНОВ А.А. 197

акад. ТОСУНЯН Г.А. 207

**Список литературы, опубликованной по итогам
заседаний НКС ООН РАН и НИИ ДДиП** 212

Состав Научно-консультативного совета по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества (НКС ППСЭПО) ООН РАН

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ:

ГУСЕЙНОВ академик, д. филос. н., научный
АБДУСАЛАМ руководитель Института философии
АБДУЛКЕРИМОВИЧ РАН

КОКОШИН академик, д. и. н., директор Центра
АНДРЕЙ перспективных исследований
АФАНАСЬЕВИЧ национальной безопасности России
Экспертного института НИУ ВШЭ

ТОСУНЯ академик, д. ю. н., президент
ГАРЕГИН Ассоциации российских банков
АШОТОВИЧ

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

РЕДЬКО к. э. н., эксперт Национального
НИКОЛАЙ исследовательского института Доверия,
ВИТАЛЬЕВИЧ Достоинства и Права

ЧЛЕНЫ НАУЧНОГО СОВЕТА:

АВETИСЯН академик, д. ф.-м. н., директор
АРУТЮН Института системного
ИШХАНОВИЧ программирования им. В.П. Иванникова
РАН

АГАНБЕГЯН академик, д. э. н., профессор
АБЕЛ
ГЕЗЕВИЧ

АПОЛИХИН чл.-корр., д. м. н., директор НИИ
ОЛЕГ урологии и интервенционной
ИВАНОВИЧ радиологии им. Н.А. Лопаткина (филиал
ФГБУ «НМИЦ радиологии» Минздрава
России)

АУЗАН
АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. э. н., декан экономического
факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

БАТУРИН
ЮРИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

чл.-корр., д. ю. н., главный научный
сотрудник отдела методологических и
междисциплинарных проблем развития
науки Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН

БУЗНИК
ВЯЧЕСЛАВ
МИХАЙЛОВИЧ

академик, д. х. н., заместитель
академика-секретаря ОХНМ РАН,
начальник лаборатории Всероссийского
НИИ авиационных материалов

ГОРШКОВ
МИХАИЛ
КОНСТАНТИНОВИЧ

академик, д. филос. н., директор
Института социологии ФНИСЦ РАН

ГРАЧЕВА
ЕЛЕНА
ЮРЬЕВНА

д. ю. н., профессор, первый проректор
ФГБОУ ВО «Московский
государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина
(МГЮА)»

ГРИНБЕРГ
РУСЛАН
СЕМЕНОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., научный руководитель
Института экономики РАН

ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН
АНТОН
ВИКТОРОВИЧ

к. э. н., сопредседатель Общероссийской
общественной организации «Деловая
Россия»

ЕРМАКОВА
ЖАННА
АНАТОЛЬЕВНА

чл.-корр., д. э. н., профессор,
заведующий кафедрой банковского дела
и страхования ФГБОУ ВО
«Оренбургский государственный
университет»

ЖУРАВЛЕВ
АНАТОЛИЙ
ЛАКТИОНОВИЧ

академик, д. п. н., научный
руководитель Института психологии
РАН

ИВАНОВ
ВИЛЕН
НИКОЛАЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., главный научный
сотрудник Института социально-
политических исследований ФНИСЦ
РАН

ИЛЬИН
ВЛАДИМИР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., профессор, научный
руководитель Вологодского научного
центра РАН

КАСАВИН
ИЛЬЯ
ТЕОДОРОВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., руководитель
сектора социальной эпистемологии
Института философии РАН

КЛЕПАЧ
АНДРЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ

к. э. н., главный экономист ВЭБ.РФ

ЛЕКТОРСКИЙ
ВЛАДИСЛАВ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. филос. н., главный научный
сотрудник Института философии РАН

МЕДВЕДЕВ
ПАВЕЛ
АЛЕКСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

МИРКИН
ЯКОВ
МОИСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

НЕСТИК
ТИМОФЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. п. н., профессор РАН, заведующий
лабораторией социальной и
экономической психологии Института
психологии РАН

НИГМАТУЛИН
РОБЕРТ
ИСКАНДРОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., научный
руководитель Института океанологии
им. П.П. Ширшова РАН

ПЕТРЕНКО
ВИКТОР
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. п. н., заведующий
лабораторией психологии общения
факультета психологии МГУ
им. М.В. Ломоносова

ПОГОСЯН
ГЕВОРК
АРАМОВИЧ

академик Национальной академии наук
Армении (НАН РА), иностранный член
РАН, д. социол. н., научный
руководитель Института философии,
социологии и права НАН РА

САВЕНКОВ
АЛЕКСАНДР
НИКОЛАЕВИЧ

академик, д. ю. н., директор Института
государства и права РАН

САННИКОВА
ЛАРИСА
ВЛАДИМИРОВНА

д. ю. н., профессор РАН, руководитель
Центра правовых исследований
цифровых технологий Государственного
академического университета
гуманитарных наук

САРКИСЯН
ТИГРАН
СУРЕНОВИЧ

к. э. н., заместитель председателя
правления Евразийского банка развития

СМИРНОВ
АНДРЕЙ
ВАДИМОВИЧ

академик, д. филос. н., директор
Института философии РАН

СОЛОДКОВ
ВАСИЛИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

к. э. н., директор Банковского института
НИУ ВШЭ

ТЕДЕЕВ
АСТАМУР
АНАТОЛЬЕВИЧ

д. ю. н., профессор кафедры
государственного аудита Высшей
школы государственного аудита
(факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова

ТИХОМИРОВ
ЮРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. ю. н., заместитель заведующего
Центром публично-правовых
исследований Института
законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве России

ТОРШИН
АЛЕКСАНДР
ПОРФИРЬЕВИЧ

к. ю. н., действительный государст-
венный советник РФ I класса

ТОЩЕНКО
ЖАН
ТЕРЕНТЬЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., профессор,
главный научный сотрудник Института
социологии ФНИСЦ РАН

УГРЮМОВ
МИХАИЛ
ВЕНИАМИНОВИЧ

академик, д. б. н., заведующий
лабораторией нервных и
нейроэндокринных регуляций
Института биологического развития
им. Н.К. Кольцова РАН

УШАКОВ
ДМИТРИЙ
ВИКТОРОВИЧ

академик, д. п. н., директор Института
психологии РАН

ХАБРИЕВА
ТАЛИЯ
ЯРУЛЛОВНА

академик, д. ю. н., директор Института
законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве России

ЧЕРЕШНЕВ
ВАЛЕРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. м. н., научный
руководитель Института иммунологии и
физиологии Уральского отделения РАН

ЧЕРНЫШ
МИХАИЛ
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. социол. н., директор
Федерального научно-
исследовательского социологического
центра РАН

ЧЕХОНИН
ВЛАДИМИР
ПАВЛОВИЧ

академик, д. м. н., вице-президент РАН,
заведующий кафедрой медицинских
нанотехнологий медико-биологического
факультета Российского
государственного медицинского
университета им. Н.И. Пирогова

ШАБУНОВА
АЛЕКСАНДРА
АНАТОЛЬЕВНА

д. э. н., директор Вологодского научного
центра РАН

ЭКМАЛЯН
АШОТ
МАМИКОНОВИЧ

д. филос. н., профессор

ЮРЕВИЧ
АНДРЕЙ
ВЛАДИСЛАВОВИЧ

чл.-корр., д. п. н., заместитель директора
по научной работе Института
психологии РАН

СПРАВКА

- о НКС ООН РАН (Научно-консультативном совете по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук),
- о НИИ ДДиП (Национальном исследовательском институте Доверия, Достоинства и Права),
- о «Рабочем завтраке у Тосуняна»,
- о проекте «Открытые дискуссии президента АРБ» и об этом издании

1. НКС ООН РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы.

Заседания Совета проводились в Отделении общественных наук РАН два раза в год.

В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: «В каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?»

И в сентябре 2021 года постановлением Президиума РАН Совет был преобразован в Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества ООН РАН.

Сопредседателями Совета стали академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

2. С середины 90-х годов по субботам раз в две-три недели в Ассоциации российских банков проходят «Рабочие завтраки у Тосуняна», в которых принимали и принимают участие банкиры, представители ЦБ, Госдумы, Совета Федерации, различных ведомств, академической науки, вузов, эксперты по финансово- банковскому профилю.

Каждый «Рабочий завтрак у Тосуняна» (далее – «Рабочий завтрак») проходит по заранее согласованной повестке дня и с заявленными докладчиками.

На них до недавнего времени обсуждались преимущественно проблемы экономики, финансовой сферы, нормативно-правовые акты, регулирующие эту сферу. Но в ряде случаев и другие вопросы развития общества.

В последние годы спектр вопросов, рассматриваемых на «Рабочих завтраках», и круг экспертов заметно расширились.

Этому во многом способствовало участие в них известных ученых.

Характерной особенностью «Рабочих завтраков» было и остается то, что они проходят с завидной регулярностью по субботам в 9.00 утра и зимой, и летом, и даже 31 декабря. Их продолжительность примерно 3–4 часа.

3. В конце 2019 года был учрежден Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права (НИИ ДДиП).

Это частный институт, целью которого, если вкратце, является многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение ответственности и чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия и достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.

Иначе говоря, институт пригласил на общественных началах работать на его площадке всех, кто желает внести свою лепту в изменение траектории движения общества «войны всех против всех» в сторону общества «доверия, достоинства и уважения друг к другу»!

4. В конце марта 2020 года был объявлен локдаун.

Встал вопрос: заморозить на какое-то время работу НКС ООН, НИИ ДДиП, АРБ и «Рабочие завтраки у Тосуняна»?

Или искать какое-то другое решение?

Тогда же возникла идея, что заседания НКС ООН, НИИ ДДиП и «Рабочие завтраки» можно объединить, используя онлайн-формат.

Проанализировав практику последних лет, мы с коллегами пришли к выводу, что довольно часто и на заседаниях НКС, и на «Рабочих зав-

траках», и на заседаниях Института мы поднимаем и обсуждаем схожие вопросы.

Было принято решение начать проводить совместные заседания.

За прошедшее с апреля 2020 года время было проведено 124 «Рабочих завтрака у Тосуняна», большинство из которых прошло в очно-заочной форме.

Примерно 20 человек лично присутствовали на завтраках, а остальные, от 50 до 100 и более участников, принимали участие в режиме Zoom, видя, слыша «живых» участников и докладчиков, также присоединялись к дискуссии.

В последующем по видеозаписи каждое заседание стенографировалось с тем, чтобы можно было издать материалы этих дискуссий.

В настоящее время накопился огромный объем материалов для публикаций, и мы начали их издание в виде представленных вашему вниманию сборников.

5. С 2013 года Ассоциация российских банков ведет проект «Открытые дискуссии президента АРБ».

Проект направлен на обсуждение широкого круга экономических, правовых, философских, социально-психологических и других актуальных проблем развития нашего общества и на развитие культуры дискуссии в целом. Спикерами «Открытых дискуссий президента АРБ» (далее – «Открытые дискуссии») выступают известные ученые, общественные деятели и представители бизнеса.

Вузами-партнерами проекта являются более 90 российских вузов, расположенных на территории всей России – от Владивостока до Калининграда.

Как правило, в каждой «Открытой дискуссии» дистанционно участвуют от 40 до 90 вузов. Численность интернет-аудитории в среднем составляет около 2 тыс. человек.

Последние два года «Открытые дискуссии» проводятся ежемесячно.

За 10 лет состоялось 88 дискуссий.

С информацией о прошедших дискуссиях, презентационными материалами спикеров и видеозаписями можно ознакомиться на сайте arb.ru в разделе «Открытые дискуссии».

Г.А. ТОСУНЯН, академик РАН,
президент Ассоциации российских банков

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Коллеги!

Приветствую всех участников совместного заседания Научно-консультативного совета Отделения общественных наук РАН по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества и Института Доверия, Достоинства и Права, которое традиционно проходит на площадке Ассоциации российских банков.

На заседание зарегистрировались:

– 85 представителей науки и вузов, в том числе 19 членов Академии наук;

– банкиры, государственные и общественные деятели, эксперты.

Всего – более 130 человек.

На наших заседаниях мы традиционно обсуждаем широкий спектр вопросов:

- экономические,
- социальные,
- психологические
- и многие другие.

Вопросы как теоретические, так и прикладные.

Достаточно обратиться к каталогу наших изданий, чтобы убедиться в этом многообразии.

Скоро каталог будет переиздан.

К концу года вышло в 1,5 раза больше материалов.

Среди последних:

- «Искусственный интеллект в банковской сфере»,
- «Зеленая экономика»,
- «Институт финансового омбудсмана»,
- «Общечеловеческие ценности»,
- «Мозговая активность: паркинсон, альцгеймер, деменция».

В ближайшее время должны выйти еще 5 сборников. Они получают отражение в новом каталоге, который будет состоять из 39 работ.

Какими бы специальными ни были наши обсуждения, мы всегда так или иначе стараемся поднять их на мировоззренческий, философский уровень.

Очевидно, что чем сложнее проблема, тем больше она имеет различных измерений.

Особенно когда проблема касается развития общества.

Мы сталкиваемся со сложными дилеммами, в том числе моральными.

Происходит поиск ценностных оснований, справедливости.

К философским категориям мы обращаемся очень часто.

Обращаемся осознанно и неосознанно, иногда на подсознательном уровне.

Поэтому мы решили предметно поговорить на тему философии в современном обществе.

Что это такое?

Как ее сегодня понимать?

Как часть нашего мировоззрения?

Думаю, что каждый из нас задумывается о смысле жизни.

Задумывается о своем предназначении, как бы высокопарно это ни звучало.

Задумывается о добре и зле.

Эти вопросы можно причислить к вечным, философским.

Мы задаем себе эти вопросы в разные периоды жизни, не только достигая определенного возраста.

Скорее всего, это свойство человека мыслящего – задавать себе фундаментальные вопросы бытия.

Во многих из нас, наверное, оно заложено генетически.

Для кого-то, может быть, это влияние среды.

Наши докладчики представляют академическую университетскую науку.

В частности, философский факультет МГУ и Институт философии Академии наук.

Почему я акцентирую внимание на философском факультете?

Потому что в Московском университете, основанном в XVIII веке, изначально философский был базовым.

Там было всего три факультета.

Сначала надо было пройти обучение философии.

А потом уже специализироваться в юриспруденции или медицине.

И впоследствии появились другие факультеты.

Из философии вышли практически все области научного знания.

Из философского факультета со временем выделили современные факультеты:

- психологии,
- социологии,
- политологии.

Если не ошибаюсь, факультет психологии выделился в 1972 году, через год после моего поступления на физфак в 1971 году, и, узнав о нем, я стал интересоваться возможностью получения параллельно второго образования.

Момджян К.Х.: В 1967 году.

Тосунян Г.А.: А, все-таки до того.

Он только-только выделился.

Мне очень хотелось поступить параллельно на второй факультет.

Потом выделился факультет социологии.

Позже – политологии.

Философию совершенно справедливо называют наукой наук.

Это подчеркивает ее всеобъемлющий статус.

Кант считал, что философия должна быть основой образования.

Но были и обратные тенденции.

Например, в середине XIX века в России пытались исключить философию из университетских дисциплин.

Известна крылатая фраза того времени: «Полезность философии сомнительна, а вред от нее возможен».

С учетом темы нашего заседания, сформулирую некоторые дискуссионные, в некотором смысле провокационные вопросы:

- Насколько философия является сегодня актуальной, востребованной и как знание, и как общественная сила?
- Какова сила авторитета современных философов?
- Формулирует ли современная философия идеалы?
- Должна ли она это делать?
- Насколько эти идеалы соответствуют реальности или, наоборот, утопичны?

Конечно, эти вопросы мы можем адресовать науке в целом, адресовать каждому ученому.

Мы не раз обсуждали тему науки и общества.
Обсуждали тему науки и власти.

И уже упомянутый Кант продвигал крамольную мысль: «Философия способна советовать властям».

Помогает ли философия при принятии современных политических и экономических решений?

Или философия вовсе не ставит себе такой задачи?

На мой взгляд, философия — это не просто свод знаний в концепциях мыслителей.

Хотя это тоже само по себе ценно.

У отдельных наук есть свои, достаточно узкие по философским меркам, области исследования.

А философия стремится охватить весь мир как целостность.

Философия стремится познать фундаментальные принципы природы и человека.

Философские проблемы сложны.

Они трудно поддаются формализации.

Их невозможно адекватно и полно выразить в некой «формуле», как это довольно часто возможно делать в естественных науках.

Формульная форма, извините за тавтологию, очень привлекательна.

Она более наглядна.

Она более четко обозначает и утверждение, и смысл.

Но философия сложнее.

Хотелось бы к этому стремиться, чтобы не было множественных трактовок.

Философ пытается выйти за пределы узкого утилитарного понимания мира.

Мира, скованного суммой практических полезностей, предметов и идей.

Философия — это прежде всего форма познания мира, образ мышления:

- умение рационально, критически мыслить,
- сопоставлять и систематизировать разные представления о том или ином явлении,

- прогнозировать сложные, многофакторные процессы нашего мира.

С другой стороны, философия отличается тем, что не дает окончательных ответов.

Очень важно, что философия — это процесс.

Это поиск мудрости.

Это стремление обладать истиной.

Мы тоже находимся в этом процессе.

Мы не претендуем на какую-то конечную истину.

Мы ищем.

Мы стараемся подойти ближе.

Поэтому философия часто ассоциируется с вечными и непреходящими вопросами.

В том числе с вопросами в области теории познания, логики, методологии науки, этики и эстетики.

Интересны актуальные и современные проблемы в области социальной философии, прикладной этики, биоэтики и даже популярного ныне искусственного интеллекта, который мы с вами обсуждали уже три раза.

Я благодарен Владиславу Александровичу Лекторскому.

Вместе с другими нашими коллегами — академиками Ушаковым и Аветисяном — они сделали специальный доклад по искусственному интеллекту.

Эту работу мы недавно издали.

Тема нашего заседания сегодня очень глубокая и многогранная.

Будет интересно послушать наших философов и подискутировать.

Как они сами ответят на вопрос:

«Что такое философия?»

Наверное, это самый философский вопрос.

У нас сегодня три докладчика.

Инициатором темы был наш уважаемый профессор Момджян Карен Хачикович, заведующий кафедрой социальной философии и философии истории философского факультета МГУ.

Академик Лекторский Владислав Александрович выразил желание выступить.

И третий докладчик — Кржевов Владимир Сергеевич, кандидат философских наук.

Карен Хачикович, Вам слово.

ДОКЛАД 1

МОМДЖЯН К.Х.*

Добрый день, уважаемые коллеги!

Тема моего выступления – «Что такое философия?», ее выбор связан с полемикой, которую вызвало недавнее утверждение Владимира Николаевича Шевченко о том, что философия не является наукой.

Я предложил Гарегину Ашотовичу обсудить эту проблему и поэтому, видимо, оказался первым в списке выступающих.

Хотя по всем канонам академической этики первым должен выступать академик Лекторский, по книгам которого я учился.

Вопрос о соотношении философии и науки всегда вызывал острую полемику между сторонниками так называемого сциентистского и антисциентистского понимания философии.

Одна такая дискуссия проходила 30 лет назад на моей кафедре и закончилась подобием боксерского поединка между двумя моими преподавателями.

Один из них в настоящий момент переехал в Японию, где переквалифицировался в водителя грузовика, а другой – Владимир Сергеевич Кржевов – сидит рядом со мной и является моим сегодняшним содокладчиком.

На заседании кафедры обсуждался вопрос о программе курса социальной философии, и во время обсуждения выяснилось, что мои доценты имеют противоположные мнения на этот счет.

* Момджян Карен Хачикович – д. филос. н., профессор.

Один из них, убеждённый антисциентист, утверждал, что философия никогда не была наукой и никогда наукой не будет.

Люди, которые рядят философию в научные одежды, заставляют её говорить скучным языком категорий, искать какие-то законы (подобные закону перехода количества в качество), шаржируют подлинный облик философии и оскорбляют ее интеллектуальное величие.

Доцент-антисциентист утверждал, что наука – это занятие сугубо утилитарное, которое имеет дело с проблемами, поддающимися решению.

Она решает одни проблемы и переходит к обсуждению других.

Философия имеет дело не с проблемами.

Она имеет дело с тайнами, то есть такими вечными вопросами, которые встают перед каждым новым поколением людей и решаются ими всякий раз по-разному.

Главной из этих тайн, словами Ясперса, является тайна человеческой заброшенности в мир.

Философия говорит с любым любознательным человеком, который хотел бы знать какого черта он в этом мире делает?

К чему ему следует стремиться?

Что в этом мире добро, что — зло?

Что справедливость, что — несправедливость?

Что есть красота и так далее.

Наука дает нам практические полезные знания о мире, а философия предлагает нам нечто неизмеримо большее.

Она дает нам мудрость существования в этом мире.

Под мудростью я понимаю способность человека мыслить и действовать в соответствии с высшими целями жизни.

Мудрость — это ум, настоянный на морали, с которой у науки очень сложные отношения, поскольку ученый, в соответствии с заповедями Макса Вебера, должен освобождаться от оценок, изгонять ценностные презумпции из научного поиска, если хочет оставаться ученым, не превращаясь в идеолога или пропагандиста.

Вывод такой: когда вы называете философа ученым, вы наносите ему тяжкое, неспровоцированное оскорбление.

Ибо ученых в истории человеческой культуры – как собак нерезаных, а вот философов, которые учили людей искусству достойной жизни, можно пересчитать по пальцам одной руки.

На язвительный вопрос оппонента: «Если философов не больше пяти, то вы тогда кто такой?» – доцент-антисциентист дал достойный ответ:

«И Вы, и я, и даже Карен Хачикович (оговорился вежливый доцент), — мы не философы.

Мы преподаватели философии, которые призваны транслировать мысли великих мудрецов, число которых минимально (недаром Альфред Уайт считал, что вся европейская философия — это подстрочное примечание к Платону)».

Владимир Сергеевич Кржевов отстаивал альтернативную позицию.

По его убеждению, философия всегда была наукой.

Более того, она была и остается царицей наук, поскольку выполняет функцию универсальной научной методологии.

Но это монарх легитимный, который подчиняется всем законам научной жизни.

Люди, не считающие философию наукой, принимают за философию нечто такое, что ею не является.

Философией называют либо особый жанр искусства – искусство яркой, образной мысли в духе Ницше, или особый жанр нерелигиозного проповедничества, основанного на концептуализированной морали.

В худшем случае за философию выдают особый вид интеллектуального шарлатанства, цель которого — снискать популярность у неподготовленной аудитории, потрясая ее словесными абракадабрами, специально придуманными для этой цели.

У меня есть подозрение, что это был выпад в сторону известного философа Федора Гиренка, который, к счастью, отсутствовал на нашем обсуждении.

В последнее время, добавил Владимир Сергеевич, возник новый жанр псевдофилософствования, который практикуют недоучившиеся литераторы, именующие себя постмодернистами.

Почему-то они решили, что предметом философии должны быть, по словам Деррида, «приключения человека в фантасмагорическом мире смыслов».

Соответственно, за философию выдают некий синтез культурологии и литературоведения с немалыми элементами логической игры, занимающей публику.

Подлинная философия, утверждал Владимир Сергеевич, не ищет дешевой популярности у профанов.

Она, как и всякая серьёзная наука, не может быть понятна любознательному человеку с улицы, не имеющему специальной интеллектуальной подготовки.

Более того, философия непонятна даже людям, для которых мышление является профессией.

В этом очень легко убедиться.

Возьмите любого среднестатистического физика, химика или биолога и попытайтесь объяснить ему, чем трансцендентное у Канта отличается от трансцендентального, что такое субстанция Гегеля и что такое принцип эпох у Гуссерля.

Теоретически это можно сделать, но это потребует больших интеллектуальных усилий от того, кому объясняют и еще больших усилий от того, кто пытается объяснять.

В какой-то момент Владимир Сергеевич перешел от аргумента *ad rem* к аргументам *ad hominem*, то есть переключился с сути дела на личность своего оппонента.

Он заявил: я понимаю, почему Вы выдаёте за философию различные виды эрзац-философствования.

Дело в том, что настоящая философия Вам просто не по уму.

Вы способны понять салонное морализирование в духе Ларошфуко, но Вы не в состоянии осмыслить ни одного параграфа из «Науки логики» Гегеля.

В этот момент раздался крик: «сам дурак» – и оппоненты перешли к кулачной полемике, которая такие проблемы, увы, не решает.

Естественно, возникает вопрос: кто прав и кто ошибается в этом споре сциентистов и антисциентистов?

Я предлагаю такой ответ: не правы обе стороны, поскольку каждая из них владеет частицей истины, которую пытаются неправомерно абсолютизировать.

На протяжении многих лет я пытаюсь убедить своих коллег в том, что в истории человеческой культуры термином «философия» называют два разных способа мышления человека об окружающем и охватывающем его мире.

Несомненно, существует **жанр валюативного, ценностного философствования**, о котором говорил мой доцент-антисциентист, я называю его «линией Сократа» в философии.

Сциентисты совершенно напрасно отрицают это направление философской мысли.

И точно так же существует **жанр рефлексивной, эпистемной философии**, которую я называю «линией Аристотеля» и которую совершенно напрасно отрицают антисциентисты.

Несколько слов о валюативной философии.

Это очень влиятельная философская традиция, которая стремится дать ответ на два из трех главных вопросов, на которые, согласно Канту, должна отвечать философия.

Напомню вам первый из этих вопросов: что я могу знать о мире?

Второй – что я должен в этом мире делать?

Третий – на что я могу в этом мире надеяться?

Первый из названных вопросов имеет для валюативной философии сугубо служебный характер.

Ценностная философия Сократа, Сенеки, Кьеркегора, Ницше и многих других мыслителей не ин-

тересуется миром как таковым, она принципиально антропоцентрична, субъектно, а не объектно ориентирована.

Ее интересует не мир сам по себе, ее интересует человек, пребывающий в этом мире.

Естественно, рассуждать о человеке, не обращаясь к миру, невозможно

Но, делая это, валюативная философия, по словам Ясперса, не познает мир, а осознает его, то есть оценивает мир с позиции мотивационных предпочтений человека – человека, который стремится понять смысл своего пребывания в этом мире.

Я настаиваю на том, что валюативная философия не имеет никакого отношения к науке.

Она дает нам не знания о мире, а поведенчески значимые мнения о нем и говорит с нами на языке суждений ценностей, которые качественно отличаются от суждений истины, которыми пользуется наука.

Отличие состоит в том, что суждения ценностей не поддаются процедурам гносеологической проверки – процедурам верификации или фальсификации, позволяющим отличить истину от заблуждения.

Это значит, что философ, для которого ценность свободы стоит выше ценности безопасности, не имеет никакого права обвинять в ошибке, в непонимании или в незнании другого философа, который осознанно предпочитает безопасность свободе.

Дело в том, что суждения ценности обращены не к миру сущего, они обращены к миру должного, в котором, как показал еще Дэвид Юм, должное не сводится к сущему и не выводится из него.

Кстати, присутствующий здесь Вадим Валерьевич Васильев недавно написал прекрасную книгу о Юме, которую я всем рекомендую.

Именно поэтому в ценностных спорах о допустимости или недопустимости абортов, смертной казни или эвтаназии мы не можем рассчитывать на вердикт науки, основанный на диктате истины.

Нет одной-единственной научно обоснованной «истинной» точки зрения на эти проблемы.

Она зависит от свободно избираемых человеком ценностных приоритетов.

И последнее, что я успеваю сказать о философии валюативной.

Не будучи наукой, она играет огромную роль в жизни общества, поскольку частью проясняет, а частью создает тот ценностный консенсус, который лежит в основании любой культуры.

Позволю себе рискованную иллюстрацию.

Известный зоопсихолог Карл Бюлер, изучавший шимпанзе, писал о своеобразной реакции «ага» у человекообразных обезьян.

Если животному удается решить поставленную перед ним сложную задачу, на его морде читается видимое удовольствие, которое означает: «ага, мне это удалось».

Думаю, что подобную реакцию должна вызывать у человека валюативная философия.

Вы читаете Эпикура, Сенеку или Ницше, рассуждающих о смысле жизни, в какой-то момент хлопаете себя по лбу и говорите: «Ага, я всегда так думал. Но не мог это точно сформулировать».

Валюативная философия имеет лишь один серьезный недостаток: многие ее представители убеждены в том, что другой философии нет и быть не может.

Как писал в свое время Освальд Шпенглер, «философия – это рефлексия судьбы, а мыслящий категориями судьбы не ведает», то есть философом не является.

Думаю, что это не так.

Существует жанр рефлексивной, или эпистемной философии – философии, которая не осознает мир, а познает его, то есть пытается понять мир в собственной логике его существования, которая дана людям принудительно и не зависит от их ценностных предпочтений.

Говоря о собственной логике существования мира, я имею в виду простой факт.

Мир, в котором мы живем, устроен так, что тела при нагревании расширяются, хочется нам этого или нет.

Наш мир устроен так, что сосулька, сорвавшаяся с крыши, летит вниз, а не вверх.

Наш мир устроен так, что чрезмерная эмиссия денег вызывает инфляцию.

Это ведь так, Гарегин Ашотович?

Это объективная логика мира, он так устроен.

Почему? Не знаем.

Зачем? Не знаем.

Но он устроен именно так.

Впрочем, существует одна проблема, которую игнорируют естествоиспытатели, но не могут игнорировать философы.

Дело в том, что существование такой объективной логики мира не может быть доказано научными средствами, поскольку не может быть доказано существование самого внешнего по отношению к нашей психике мира.

Иммануил Кант в этой связи говорил о «скандале философии», которая рассуждает об окружающем и охватывающем человека мире, но не в состоянии доказать реальность его существования.

В самом деле, я могу лишь предполагать, что микрофон, стоящий передо мной, это реальный микрофон, а не мое психическое переживание.

Я могу надеяться, что за моим восприятием стоит отображаемая им реальность, но доказать это средствами науки не могу.

Дело в том, что внешний мир дан нам в ощущениях и восприятии, и только в них.

Любая попытка вынести их «за скобку» и прорваться напрямую к миру ноуменов – вещей в себе – тождественна попытке запрыгнуть самому себе на спину.

Это теоретически невозможно.

Поэтому рефлексивная философия в самом начале своих размышлений встает перед дилеммой.

Или идти по пути солипсизма, утверждая, что мир есть не более чем комплекс человеческих ощущений.

Или принять существование внешнего мира как аксиому – аксиому, которую мы не можем доказать, но в которой мы не можем сомневаться, если намереваемся и дальше жить в этом мире.

Это так, потому что позиция солипсизма, которую Мераб Мамардашвили называл «вывертом философского ума», делает практическое существование человека невозможным.

Во что превратится моя семейная жизнь, если я буду считать, что моя жена в реальности не существует и я ругаюсь с комплексом собственных ощущений?

Как долго проживет солдат, уверивший себя в том, что на войне нет надобности прятаться от пуль и осколков, поскольку они существуют лишь в его сознании?

Как следствие, рефлексивная философия включает в себя особую область, именуемую метафизикой.

Метафизика обсуждает предельные основания бытия, которые не даны нам в опыте.

Метафизическими являются:

- учение Парменида о бытии,
- учение Платона об идеях,
- учение Гегеля об абсолютном духе,
- наконец, диаматовское учение о материи.

Верифицировать эти теории невозможно, но это не значит, что с метафизикой надо бороться, как предлагали Огюст Конт и другие позитивисты.

Полагаю, что метафизика – это законный продукт человеческой любознательности, которая обращена на трансцендентные феномены, которые неподвластны нашему уму.

Мы не можем их достоверно знать, но мы не можем не стремиться к их пониманию.

Одной из таких метафизических проблем является проблема существования Господа Бога, которое мы не можем ни доказать, ни опровергнуть.

Таким образом, рефлексивная философия включает в себе неверифицируемую метафизику, но она не сводится к ней, подобно тому как любая из наук не сводится к аксиомам, лежащим в ее основании.

Это означает, что рефлексивная философия обсуждает множество проблем, вполне подвластных человеческому мышлению, недоступных нефилософским наукам, но методологически важных для них.

Перед тем как назвать эти проблемы, я хочу еще раз вернуться к вопросу о существовании двух философских традиций.

Между ними наличествует существенное сходство, которое позволяет говорить о проблемном единстве философии как особого вида духовной деятельности.

Дело в том, что и валюативная, и рефлексивная традиции стремятся осмыслить объектную диспозицию «Человек — Мир».

В ней мир выступает в его возможном единстве, а человек – в своих родовых свойствах, не зависящих от этнических, конфессиональных, профессиональных и других различий между людьми.

Но реализуется это стремление совершенно разными способами.

Одна философия пытается ответить на вопрос «Что есть мир и человек в мире?», а другая рассуждает на тему «Каким следует быть человеку, который в этом мире живет?».

Поэтому я веду речь о двух разных философиях, а не о единой и неделимой философии, имеющей две функции – гносеологическую и мировоззренческую, как меня пытаются уверить некоторые мои коллеги.

Валюативная и рефлексивная философии, несомненно, связаны между собой.

Более того, они находятся в отношениях взаимоположенности, поскольку нельзя оценивать то, чего не знаешь, и нельзя не оценивать то, что узнал.

Поэтому Платон, Аристотель, Спиноза, Гегель, Маркс и другие крупнейшие мыслители не ограничивали себя лишь одной из этих традиций, занимаясь и познанием, и осознанием мира.

Тем не менее связь не означает тождества.

Рефлексивная и валюативная философии обладают не только сходством, но и фундаментальным различием: они имеют разное отношение к науке и потому не могут быть частями одной целостной концепции.

Не существует единого курса философии, который органически соединял бы «в одном флаконе» науку и не науку, миропонимание и мироощущение, связал бы в единое целое вполне научное учение Аристотеля о целевой причинности с экзистенциальными страхами Кьеркегора.

Это не значит, что мы должны закрепить название «философия» за одним из этих жанров, отказав в статусе философа или Кьеркегору, или Гуссерлю.

Помимо того, что такое решение противоречит устоявшимся нормам языка и культуры, оно не учитывает объектное (но не предметное!) единство философской рефлексии.

Теперь скажу несколько слов о предмете и проблемном поле рефлексивной философии.

Этот вопрос вызывает спор между философами, которые не стесняются считать себя учёными.

Есть три трактовки предмета научной философии, отличающиеся объемом проблематики, которая признается философской.

Самая узкая — гносеологическая трактовка философии.

Она считает объектом этой науки познавательное отношение человека к миру.

А предметом философии:

- саму возможность,
- условия,
- механизмы
- и формы человеческого познания.

Основным вопросом философии в таком понимании является вопрос, который Понтий Пилат адресовал Иисусу Христу: «Что есть истина, возможно ли ее обретение?»

Более широкая – антропологическая трактовка.

Она утвердилась в XX веке и считает объектом философии человека, а ее предметом – триединое отношение человека к миру:

- праксеологическое (практическое),
- аксиологическое (ценностное)
- и гносеологическое (познавательное).

Самая широкая – субстанциальная трактовка.

Я являюсь убеждённым сторонником этой трактовки по одной простой причине: она позволяет сохранить весь объём проблематики, доступной только философии.

Есть старый анекдот. Студента спросили, что он предпочитает: пиво или длинноногих девушек?

Студент ответил: «Я не понимаю, при чём тут “или”».

И я не понимаю, почему я должен отказываться от философской онтологии и натурфилософии, что следует из антропологической трактовки философии.

Если же я встаю на позиции гносеологической трактовки, превращающей философию в теорию познания, придется отказаться и от социальной философии, от которой остается только проблематика социального познания.

Что же представляет собой субстанциальная трактовка философии?

Гарегин Ашотович уже ответил на этот вопрос: при таком понимании объектом философии признают окружающий и охватывающий нас мир, а предметом философии — возможное единство этого мира, рассматриваемое в двух разных аспектах.

Первый из них — интегративное рассмотрение мира как целого.

Второй — субстанциальное рассмотрение мира в аспекте его всеобщности.

Кратко разъясню сказанное, назвав три главные задачи, которые стоят перед философами.

Задача первая — осознание целостности мира.

Когда моему сыну было четыре года, он бежал по дорожке, споткнулся, ушиб ножку, закричал.

Мама бросилась ему на помощь.

И вдруг я слышу, что ребенок требует у мамы наказать камень, о который он споткнулся.

Это означает, что мышление ребенка имеет антропоморфный характер.

Он еще не понимает, что мир, в котором мы живем, не однороден.

В нем существует физический мир — мир камней, в котором нет ни вины, ни наказания.

В нем существует мир живой природы, который подчиняется биологическим законам, не действующим в природе неживой.

Наконец, в нем существует мир людей, выделенный из природы.

Одним словом, в нашем мире наличествуют разные, словами Николая Гартмана, «царства бытия», которые интересуют философию, пытающуюся понять, чем отличаются друг от друга и как связаны между собой эти автономные «царства».

Но начинается философское мышление о мире с иной проблемы.

Это различие мира реального, существующего вне пределов человеческого сознания, и мира идеального, представленного формообразованиями этого сознания.

Иными словами, речь идет о различии между кантовскими талером в кармане и талером в голове.

Эта проблема бытия и сознания относится к области уже упоминавшейся мною метафизики, которая рассуждает о предельных основаниях бытия, не данных нам в чувственном опыте.

Если мы признаем, что все существующее является комплексом наших ощущений, на этом философское мышление о мире фактически заканчивается.

Но если философ признает существование реального мира, приняв его за аксиому, он переходит к анализу его подсистем.

Он пытается понять, чем отличаются друг от друга и как связаны между собой:

- мир неживой природы,
- мир живой природы
- и созданный человеческой активностью социальный мир.

К примеру, только философия может дать осмысленный ответ на вопрос «что такое жизнь?».

Совершенно напрасно требовать ответа на этот вопрос от биологов, которые изучают не жизнь, а живое.

То есть они исследуют не субстанциальный процесс самоцельного информационного существования в мире – они изучают носителей этой способности.

Образно говоря, они изучают не полет стрелы, они изучают стрелу, которая находится в полете.

Нет ничего удивительного в том, что многие биологи до сих пор используют безнадежное определение жизни как способа существования белковых тел.

При таком понимании труп, который является белковым телом, должен быть признан живым.

Если вы хотите знать, что такое жизнь, вы должны знать:

- что такое информация,
- что такое цель,
- что такое целесообразность,
- чем субстанциальное существование отличается от существования функционального и т.д. и т.п.

Это сугубо философские вопросы, которые биология сама не решает, но которые методологически важны для нее.

Точно также только философия способна ответить на вопрос: «Что такое социальная жизнь в отличие от жизни биологической?».

Для этого нужно знать, какова родовая сущность человека, что представляет собой целеполагающая адаптивно-адаптирующая деятельность как специфический способ бытия людей, выделяющий их из природы.

Это сугубо философская проблема, непонимание которой путает физическую антропологию, заставляя ее вести

долгие споры о том, что отличает животных предков человека от формирующихся людей, а формирующихся людей – от людей сформировавшихся.

Как следует именовать хабилиса, умевшего создавать каменные орудия труда, но не умевшего мыслить – *Homo habilis* («человек умелый») или *Australopithecus habilis* («австралопитек умелый»)?

Для ответа на этот вопрос нужно понимать, что именно является системообразующим основанием человеческого образа жизни.

Орудийность, порождающая вербально-понятийное мышление, или абстрактно-логическое мышление, трансформирующее биологическую орудийность в человеческий труд?

А это наша и только наша, философская проблема.

Теперь о второй задаче философии, каковой является рассмотрение мира в модусе его возможной всеобщности.

Выделив автономные подсистемы мира, мы задаемся вопросом: это самозамкнутые монады?

Или существуют какие-то универсальные принципы организации мира, которые в специфической форме проявляются:

- и в неживой природе,
- и в живой природе,
- и в социальном мире,
- и даже в особом мире человеческого сознания.

Приведу пример такой проблематики.

Вы знаете, что любой ученый изучает некоторые объекты и некоторые процессы, которые вызываются определенными причинами и имеют определенные следствия, имеют определенные качественные и количе-

ственные характеристики, определенные свойства и состояния.

Эти объекты находятся в определенных связях и отношениях, квалифицируются как необходимые или случайные и так далее.

Что делает философ?

Он пытается ответить на вопросы: а чем объект вообще отличается от процесса вообще?

Что такое причина в отличие от следствия?

Что такое свойство в отличие от состояния?

Чем связь отличается от отношения?

Чем необходимость отличается от случайности? И так далее.

Спрашивается: кому и зачем нужна эта проблематика общефилософской онтологии?

Я предлагаю дифференцированный ответ на этот вопрос.

Для физиков и химиков, изучающих процессы неживой природы, потребность в философских знаниях о всеобщих свойствах мира возрастает, как правило, в период научных революций.

В это время ученые вынуждены перетолковывать такие ключевые категории, как:

- вещество,
- энергия,
- пространство,
- базовые принципы детерминизма и так далее.

В обычное время философское знание для естествоиспытателей – это скорее вопрос общей культуры, которая не позволяет уважаемым физикам говорить нелепости о «свободе воли» электронов.

Философское знание не является для физиков или химиков необходимым условием профессиональной успешности, оно не входит в то, что можно назвать лабораторным минимумом мышления.

С усложнением изучаемого объекта, переходом от неживого к живому и к социальному потребность в философии резко возрастает.

Она весьма значительна для биологов и становится условием профессиональной успешности для обществоведов и гуманитариев, которые работают со сложнейшим из объектов – человеком, существующим в среде себе подобных.

Позвольте мне проиллюстрировать этот тезис.

Я читаю лекции историкам, которым свойственен идеографический склад ума, ориентированный на частное, а не номотетический склад ума, интересующийся общим и повторяющимся.

Неудивительно, что студенты живо интересуются вопросом: а зачем им нужна рефлексивная философия.

Прежде чем ответить на их вопрос, я предлагаю аудитории ответить на два моих вопроса.

Первый: должна ли историческая наука ограничить себя поиском фактов, или она должна пытаться эти факты объяснять?

Если историки согласны с тем, что при всей важности и сложности задач по реконструкции фактов история не должна сводиться к фактоискательству, я задаю им второй вопрос: как вы думаете, Октябрьская революция в России – это явление случайное или необходимое?

Увы, этот вопрос ставит многих студентов в абсолютный тупик.

Дело в том, что еще в школе, в курсе обществознания им преподавали плохую философию, согласно которой необходимым считается то, чего не может не быть, а случайным то, что может быть, а может и не быть.

При таком понимании ответить на поставленный мною вопрос невозможно.

С одной стороны, историки понимают, что Октябрьская революция — это не солнечное затмение, её, в принципе могло и не быть.

С другой стороны, у них не поворачивается язык назвать тектонический поворот в народных судьбах, обусловленный всей прошлой историей России, явлением случайным.

Чтобы решить эту проблему, нужно, чтобы грамотный философ объяснил историкам, что далеко не всякое событие, которое не может не случиться, является необходимым, и наоборот — далеко не всякое событие, которое может произойти, а может и не произойти, является случайным.

Необходимо разъяснить различие между категориями необходимости и неизбежности.

В самом деле, когда кирпич, сорвавшийся с крыши, падает человеку на голову, мы называем это «несчастный случай», считаем случайностью.

Ясно, однако, что в какой-то момент, когда расстояние между кирпичом и головой сокращается критически, избежать удара становится невозможно.

Означает ли это, что случайное событие «диалектически» превратилось в необходимое?

Ни в коем случае.

Оно стало всего лишь неизбежным, вступив в фазу неотвратимости, где вероятностью осуществления равна единице.

Важно понимать, что всякое необходимое событие неизбежно, но не всякое неизбежное событие необходимо.

Необходимость – это лишь такая неизбежность, которая вызвана, как говорил Гегель, самодвижением сущности, то есть порожденная существенными внутренними причинами.

Точно так же необходимо различать случайность и вероятность, крайними полюсами которой являются необходимое и случайное.

К примеру, гибель солдата во время лобовой атаки на вражеские укрепления не является необходимой, поскольку он имел нереализованный шанс на выживание.

Но ее нельзя считать случайной, поскольку шансов погибнуть в этой ситуации существенно больше, чем остаться в живых.

Это значит, что мы имеем дело с вероятным и даже высоковероятным событием, которое не является ни случайным, ни необходимым, – таковой и была Октябрьская революция в России.

Доказав существование универсальных законов мира, философ переходит к решению следующей задачи: он должен рассмотреть специфику их проявления в отдельных подсистемах мира.

Этим занимается, в частности, социальная философия.

Она должна доказать, к примеру, что в общественной жизни людей сохраняются универсальные принципы детерминизма, согласно которым одни и те же причины при одних и тех же условиях порождают одинаковые следствия.

Это очень непросто сделать, поскольку человек, обладая субстанциальной свободой воли, может выбирать разные варианты желаемого поведения.

В результате этого в человеческой истории отсутствует правильная повторяемость, которую Риккерт называл «экземплярием», что ставит под сомнение закономерность общественной жизни.

Приходится доказывать, что свобода человеческой воли не абсолютна, что за уникальными событиями истории стоят устойчивые «структуры» человеческого поведения, благодаря которым общественная жизнь людей превращается в относительно законосообразный процесс.

В завершение скажу несколько слов о современном значении философии.

Отвечая на этот вопрос, следует учитывать различие между рефлексивной и валюативной философскими традициями.

Задача современной валюативной философии – внести свой вклад в выработку ценностного консенсуса, который мог бы смягчить нарастающий конфликт цивилизаций.

А актуальные задачи рефлексивной философии я связываю прежде всего с проблематикой социальной философии.

Она должна осознать сложнейшие тенденции современной истории, которая на наших глазах вновь вступила в фазу бифуркации – в период развития, который Бронислав Малиновский называл периодом «негарантированных исходов».

Мы должны понять, что происходит с обществом и человеком в этот кризисный период, оценить наши шансы на выживание и достойное существование.

Решение этой задачи, конечно же, зависит не только от философов, но без них она решена быть не может.

Благодарю вас за внимание.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Карен Хачикович.
Спасибо большое за интересный и глубокий доклад.

Момджян К.Х.: Гарегин Ашотович, чем больше времени Вы даете философу для выступления, тем понятнее его речь.

Тосунян Г.А.: Тогда, чтобы хоть что-то понять, надо бесконечно слушать.

Коллеги, перейдем к вопросам.
Павел Алексеевич, Ваш вопрос.

проф. МЕДВЕДЕВ П.А. – проф. МОМДЖЯН К.Х.

МЕДВЕДЕВ П.А.

д. э. н., профессор, финансовый омбудсмен
Ассоциации российских банков

Медведев П.А.: Спасибо большое.

Карен Хачикович, Вы назвали физиков и химиков в качестве людей, которым невозможно объяснить философские проблемы.

Момджян К.Х.: Возможно.

Но с большим трудом.

Медведев П.А.: Математиков не назвали, а я математик.

Мне тоже невозможно.

Момджян К.Х.: Возможно.

Но с большим трудом.

Медведев П.А.: Еще с бóльшим трудом, чем физикам и химикам.

Вопрос вот какой.

Вы объяснили очень убедительно важность и премудрость философии.

Правильно ли я понимаю логику Ваших рассуждений?

Начали Вы с того, что докажете: «Философия — наука».

Правильно ли я Вас понимаю?

Момджян К.Х.: Я доказываю, что есть философия, соответствующая критериям науки.

И есть философия, которая никакого отношения к науке не имеет.

Какой Кьеркегор ученый?

Медведев П.А.: Тем не менее.

Вы все время говорили о важности философии.

В чем логика Вашего сообщения?

Философия важна, и поэтому наука?

Момджян К.Х.: Наоборот.

Философия — наука.

Поэтому она важна.

Медведев П.А.: Откуда следует, что она наука?

Саватюгин А.Л.: Математикам сложно понять.

Момджян К.Х.: Повторю еще раз: существуют две разные философии, имеющие разное отношение к науке.

К примеру, глубокие рассуждения Сократа о смысле жизни к науке отношения не имеют.

Это ценностные презумпции, которые не поддаются проверке на истинность или ложность.

А вот если мы говорим о теории целевой причинности Аристотеля или учении Маркса о принципах формационной типологии истории, то это философские концепты, которые поддаются научной верификации, проверке на истинность.

Под истиной я понимаю согласие разума с данными чувственного опыта и с самим собой.

С этими концептами можно соглашаться, с ними можно спорить, приводя фактологические и логические аргументы.

Это философская проблематика, но она на 100% поддается научному обсуждению, поскольку ее содержание не зависит от ценностных предпочтений человека.

Подобная научная философия принципиально важна для всех наук, работающих с более или менее сложным объектом.

Она менее важна для естественных наук, работающих с объектами, уступающими по своей сложности живой клетке, не говоря уж о человеке.

Это не значит, конечно, что естественными науками заниматься «просто», у них есть колоссальные сложности.

Медведев П.А.: Физика и химия почему науки?

Момджян К.Х.: Потому что утверждения физики и химии могут быть верифицированы.

Они могут быть отличены от заблуждений и незнаний путем апелляции к опыту и контролирующему его рассудку.

Саватюгин А.Л.: И фальсифицированы.

Момджян К.Х.: И фальсифицированы.

Это разные способы верификации.

Что касается утверждений ценностной философии, они не поддаются ни верификации, ни фальсификации.

Невозможно доказать, что ценность безопасности стоит выше ценности свободы.

А вот утверждение рефлексивной философии – к примеру, что мир законосообразен, – может быть доказано.

Медведев П.А.: Это можно доказать, опираясь на что?

Момджян К.Х.: Опираясь на данные чувственного опыта, обработанные человеческим разумом.

Медведев П.А.: Понятно. То есть какой-то предварительной аксиоматики не надо?

Момджян К.Х.: Надо.

Предварительная аксиоматика – это область метафизики, где присущая человеку любознательность заставляет нас рассуждать о том, что доказано быть не может.

К примеру, о бытии Бога или существовании внешнего мира.

Медведев П.А.: И вот если мир есть...
Можно доказать, что часть философии — наука?

Момджян К.Х.: Конечно.

Медведев П.А.: Если мир есть.
А если нет, то — не наука?

Момджян К.Х.: Если нет, то и математики нет.

Тосунян Г.А.: Если нет, то и доказывать ничего не надо, Павел Алексеевич.

Алексей Саватюгин, пожалуйста.

САВАТЮГИН А.Л. – проф. МОМДЖЯН К.Х.

САВАТЮГИН А.Л.

профессор Банковского института
НИУ «Высшая школа экономики»

Саватюгин А.Л.: Карен Хачикович, спасибо за доклад.

Вы сделали разделение между двумя философиями: в Ваших дефинициях – «валюативной» и «рефлексивной».

Момджян К.Х.: Можно разные термины использовать.

Саватюгин А.Л.: Хорошо.

Вы сказали, что это два несводимых друг к другу предмета, которые называются одним словом.

Момджян К.Х.: Да.

Саватюгин А.Л.: Поэтому можно ли согласиться с утверждением, что «философия – это история философии»?

Момджян К.Х.: Нет, ни в коем случае.

Саватюгин А.Л.: Значит, есть какая-то единая философия?

Или рефлексивная, или валюативная, и ее можно преподавать как философию.

Преподавать, как современную математику или современную физику, преподавать без истории как таковой?

То есть философия не сводится к линейке досократики – Платон – Аристотель – и так далее до Момджяна?

Момджян К.Х.: Безусловно, сводится.

Если Вы преподаете валюативную философию, без истории философии Вам на 100% не обойтись.

Потому что Вы рассказываете о том, как менялись представления человека о смысле его существования в этом мире.

Если Вы преподаете рефлективную философию, без истории философии в эрудитивных целях опять-таки не обойтись.

Тем не менее Вы можете выбрать проблемную парадигму преподавания, рассматривая разных философов как людей, дававших разные ответы на одни и те же вопросы, объективно заданные предметом рефлективной философии.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Член Академии Рыскельдиева Лора Турарбековна, пожалуйста.

чл.-корр. **РЫСКЕЛЬДИЕВА Л.Т.** – проф. **МОМДЖЯН К.Х.**

РЫСКЕЛЬДИЕВА Л.Т.

чл.-корр. РАН, д. филос. н., профессор Крымского
федерального университета им. В.И. Вернадского

Рыскельдиева Л.Т.: Карен Хачикович, спасибо за доклад.

Правильно ли я Вас поняла: Вы реконструировали только и исключительно только устройство европейской философской культуры?

И опять-таки, правильно ли я Вас поняла, что наличие совершенно иначе устроенных философских культур для Вас не является фактом?

Момджян К.Х.: Если мы говорим о рефлексивной философии, я полагаю, что никакой самозамкнутой национальной философии нет.

Равно как нет национальной физики или национальной химии.

Если мы говорим о валюативной философии – философии, которая исследует смыслы человеческого существования в мире – конечно, представления об этих смыслах в азиатской культуре существенно отличаются от европейской.

И вновь набор проблем по-прежнему один.

Ответы – радикально разные.

Тосунян Г.А.: Пожалуйста, следующий вопрос.

чл.-корр. **ВАСИЛЬЕВ В.В.** – проф. **МОМДЖЯН К.Х.**

ВАСИЛЬЕВ В.В.

чл.-корр. РАН., д. филос. н., заведующий кафедрой истории зарубежной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Васильев В.В.: Карен Хачикович, большое Вам спасибо за доклад.

Как всегда, с большим удовольствием послушал.

У меня два коротких вопроса.

Первый вопрос.

Вы говорили про убеждение в существовании внешнего мира.

С одной стороны, мы не можем доказать, что он существует.

С другой стороны, мы не можем сомневаться в этом.

Вопрос такой.

Каков тогда статус этого убеждения?

Отличается ли он чем-то от статуса, скажем, геометрических аксиом?

Или математических формул?

Вроде $2 + 2 = 4$?

Момджян К.Х.: Аксиома остается аксиомой в любом случае.

А Вы не согласны с этим?

Васильев В.В.: Согласен.

Но я не совсем понимаю.

В каком смысле Вы сказали, что не можем сомневаться?

Момджян К.Х.: В сугубо практическом смысле.

Васильев В.В.: В практическом, прагматическом?

Момджян К.Х.: Да.

Это не моя выдумка.

Убеждённый материалист Энгельс вынужден был признать, что единство и само существование внешнего мира — это открытый вопрос.

Он не может быть решён с помощью нескольких фокуснических фраз. В сфере разума доказательства этому нет.

Но сомнение в существовании мира делает земное существование человека невозможным.

Это вопрос практики, а не теории.

Васильев В.В.: Я удовлетворен.

То есть прагматическая аргументация?

Момджян К.Х.: Да, совершенно верно.

Васильев В.В.: А не самоочевидность математическая?

Момджян К.Х.: Для не испорченного философией ума существование внешнего мира также самоочевидно.

Васильев В.В.: Понятно.

Второй вопрос.

Вы говорили, когда рассуждали о валюативной философии, что здесь понятие истинности не вполне применимо.

Не раз я слышал эти тезисы.

Представьте, что кто-то говорит Вам, что предпочитает не одну, очевидную, общепринятую ценность.

Он предпочитает рабство — свободе.

Мой вопрос: разве нельзя убедить этого человека?

Убедить, что рабство — это ложная ценность.

Момджян К.Х.: Убедить можно, доказать нельзя.

Васильев В.В.: И нельзя привести никаких аргументов?

Момджян К.Х.: Можно.

Эти аргументы приводятся, но не решают проблему доказательности, вынуждая порой спорщиков использовать в качестве *ultima ratio* оружие на поле боя.

Васильев В.В.: То есть рационально на эти темы нельзя говорить?

Момджян К.Х.: Рационально можно.

Философия не религия: она апеллирует не к вере, а к аргументам.

Просто эти аргументы в ценностных спорах не основываются на диктате истины, прекращающем спор.

Тосунян Г.А.: Академик Иванова, ИМЭМО.
Пожалуйста, Наталья Ивановна.

акад. ИВАНОВА Н.И. – проф. МОМДЖЯН К.Х.

ИВАНОВА Н.И.

акад. РАН, д. э. н., руководитель научного направления
ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова

Иванова Н.И.: Уважаемый Карен Хачикович, мне очень понравился Ваш заход к поставленной теме со спором двух доцентов о том, что такое философия, насколько она является наукой.

Важные рассуждения о том, что лидер коллектива сталкивается с какими-то не то чтобы противоречиями, но пониманием сложности устройства науки.

Различает науку, которую коллектив преподает и что он в ней развивает.

У меня вопрос на уточнение.

Вы говорили о том, что философия занимается не столько проблемами, сколько тайнами бытия, то есть более общими, абстрактными вещами.

Можно в этом контексте предположить, что некоторые проблемы философии неинтересны, поскольку уже решены.

Вы могли бы назвать, например, три решенных проблемы?

Вопросы, о которых философы разных школ не спорят?

Момджян К.Х.: Найти такие вопросы, по которым в науке царит полное согласие, непросто.

Я не исключаю, что в физике до сих пор существуют сторонники теории теплорода, хотя подавляющее большинство ученых отвергает эту идею как ложную.

Вы сказали, что философия не имеет дела с проблемами.

Хочу уточнить: не философия, а одно из течений философской мысли, которое я называю ценностной философией.

А вот философия, которую я называю рефлексивной, имеет дело именно с проблемами.

И она способна их решать.

Могу проиллюстрировать это на проблемах социальной философии, которые можно считать решенными: они приняты философским сообществом консенсуально.

Существенное большинство философов убеждено: наличие свободной воли у человека может быть доказано, что бы ни думали на этот счет некоторые нейрофизиологи.

Значительное большинство социальных философов отвергает презумпцию волюнтаризма, соглашаясь с тем, что свобода человеческой воли не абсолютна, а ограничена объективными факторами человеческого существования, которые не позволяют воле превратиться в произвол.

Современных философов уже не нужно убеждать в ошибочности теории «социального договора», согласно которой люди предшествуют обществу и так далее.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, Тигран Суменович Саркисян.

к. э. н. САРКИСЯН Т.С. – проф. МОМДЖЯН К.Х.

САРКИСЯН Т.С.

к. э. н., заместитель председателя правления
Евразийского банка развития

Саркисян Т.С.: Спасибо большое.

Замечательное выступление, я под сильным впечатлением.

Вы изящно представили всю проблематику.

У меня вопрос.

Хочу сослаться на Курта Гёделя.

Он утверждал, что в основе любой науки лежит некая аксиоматика – аксиоматика, которую невозможно доказать.

Две теоремы Гёделя.

Первая теорема утверждает: если формальная арифметика не противоречива, то в ней существует невыводимая и неопровержимая формула.

Вторая теорема утверждает: если формальная арифметика не противоречива, то в ней не выводима формула, содержательно утверждающая непротиворечивость этой арифметики.

То есть теоремы Гёделя доказывают, что любая наука так или иначе апеллирует к какой-то аксиоме.

Аксиоме, которую надо воспринимать как нечто данное.

В это мы верим или не верим.

А потом всю жизнь пытаемся доказать: доказать, что это есть или этого нет.

Точно так же, как и вера.

С этой точки зрения философия, как и другие науки, может создавать какие-то аксиоматические утверждения.

Утверждения, которые недоказуемы.

И поэтому можно вечно спорить.

Разные философские течения будут между собой спорить.

Потому что они принимают за основу своих утверждений какие-то аксиоматические утверждения.

Хотел бы Ваши комментарии.

Комментарии к тому, что доказал в 1930 году Курт Гёдель.

Спасибо большое.

Момджян К.Х.: Я совершенно согласен с Гёделем.

Совершенно согласен с Вами.

Безусловно, существует область философской аксиоматики.

И я пытался подчеркнуть это в докладе: область философствования, которую мы называем метафизикой, — это набор теоретически недоказуемых, неverifiedируемых утверждений.

Правда, Владимир Сергеевич Кржевов почему-то считает, что можно доказать первичность материи перед сознанием.

Я полагаю, что это невозможно.

Васильев В.В.: Кстати, Гёдель тоже философ.

Не только математик, член Венского кружка.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Яков Моисеевич Миркин, пожалуйста.

проф. МИРКИН Я.М. – проф. МОМДЖЯН К.Х.

МИРКИН Я.М.

д. э. н., профессор

Миркин Я.М.: Спасибо огромное. Слушал доклад с наслаждением.

Вопрос.

С Вашей точки зрения, какие представления о философии должны быть у обычного человека?

Скажем, человек с высшим инженерным образованием.

Среднеинтеллигентный человек.

Должна ли быть личная философия?

Вы разделяете это понятие – «личная философия»? Оно имеет какой-либо смысл?

Спасибо.

Момджян К.Х.: Спасибо за вопрос.

Если мы говорим об «обычном» человеке – конечно, у него имеются какие-то философские представления, и это представления из области валюативного философствования.

Человек тем отличается от неразумного скота, что пытается осмысливать свою жизнь, понять, зачем он существует в этом мире.

Увы, как верно заметил Гарегин Ашотович, у большинства людей это происходит, как правило, в последней части нашей жизни.

И второй вопрос.

Личная философия? Да, безусловно.

Я рассказывал, как два моих доцента спорили о том, философия — наука или не наука?

Они поспорили, даже подрались и разошлись.

А я администратор. Мне нужно принимать решение, с каким курсом я приду к своим студентам.

Если философия – наука, ее можно преподавать как науку.

Становится возможной, в частности, взаимная замена преподавателей.

Лектор прочел лекцию о первом законе Ньютона и заболел.

Ну и что? Вместо него придет другой педагог, который расскажет о втором законе Ньютона, и отличаться они будут только манерой подачи материала.

А теперь представьте себе: читал лекцию Эпикур, потом заболел и вместо него в аудиторию пришел Сенека.

О какой взаимной замене преподавателей можно говорить, если эти люди имеют радикально разное мнение о смыслах человеческого бытия в мире?

Валюативная философия – это, несомненно, экзистенциальный личностный взгляд на мир.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, Владимир Смолин из математического института.

СМОЛИН В.С. – акад. ТОСУНЯН Г.А. – проф. МОМДЖЯН К.Х.

СМОЛИН В.С.

научный сотрудник Института прикладной математики
им. М.В. Келдыша РАН

Смолин В.С.: Добрый день!

Я хочу поблагодарить за очень интересный доклад.

На мой взгляд, не охвачена одна ветвь философии.

Она, естественно, не особо приветствуется.

Особенно в Институте философии: вульгарных материалистов туда не трудоустраивают.

Тем не менее, есть и такой взгляд на философию.

Что всё чисто материально.

Развитие искусственного интеллекта показывает то, о чём раньше думали, что это немислимо, чтобы машины что-то видели, вычисляли, запоминали, сейчас это вполне реализуется.

Как Вы относитесь к этой ветви философии?

К ветви, которая считает, что нематериального мира совсем нет.

Есть только материальные проявления и те свойства, которые мы этим материальным проявлениям приписываем.

Тосунян Г.А.: Прежде, чем Карен Хачикович начнет отвечать, позволю себе ремарку.

Мне кажется, в Институт философии не принимают ни вульгарных материалистов, ни вульгарных идеалистов – там вульгаризм не очень приветствуется.

Смолин В.С.: Это национальная особенность русского языка.

«Вульгарный» — это значит обыкновенный.

Момджян К.Х.: К вульгарному материализму я отношусь резко отрицательно.

Он чреват такой неприятной вещью, как «когнитивный империализм» – убеждение в том, что ничего недоказуемого в мире нет.

Есть у меня на кафедре доцент – не буду называть его имя, – он утверждает: материя первична, а сознание вторично.

Спрашиваю его: «Володя, а откуда взялась материя?»

Ответ: «Ниоткуда, существовала вечно».

Вы понимаете, человек считает естественным беспредпосылочное вечное существование чего-то, неизвестно откуда взявшегося.

Это утверждение не взрывает его сознание.

Мне кажется, что вульгарный материализм – это прежде всего недостаток воображения.

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Коллеги, думаю, что будет правильно, если мы выслушаем сначала докладчиков, а потом уже будет дискуссия.

Продолжим наше заседание.
Слово академику Лекторскому.

22 года Владислав Александрович возглавлял журнал «Вопросы философии».

Журнал, котирующийся не только в Советском Союзе, но и в постсоветский период.

Это один из самых авторитетных философских научных журналов, известный во всем мире.

Владислав Александрович давно член Академии наук.

Обладея высоким уровнем интеллекта, он позволяет и окружающим свободу мышления.

Не могу не отметить удивительное обаяние академика Лекторского, неизменное уважение к окружающим.

Подчеркиваю эти черты яркого представителя нашей науки.

По-моему, именно таким должен быть член Академии наук.

Владислав Александрович, пожалуйста, Вам слово.

ДОКЛАД 2

ЛЕКТОРСКИЙ В.А.

акад. РАН, д. филос. н., декан философского факультета
Государственного академического университета
гуманитарных наук

После такого представления Гарегина Ашотовича очень трудно выступать.

Я бы хотел говорить о философских дискуссиях в современном мире.

Почему философия не сошла со сцены, как некоторые считали, а наоборот, находится в центре современных острейших дискуссий?

И в науке, и в социальной жизни.

Но прежде – несколько слов о докладе Карена Хачиковича.

Доклад был очень интересный.

Однако с некоторыми утверждениями я бы поспорил.

Я не стал бы делить философию на два направления.

Одна — рефлексивная философия, как ее назвал докладчик.

Вторая — валюативная философия.

Рефлексивная философия пытается теоретически или в какой-то мере научно ответить на вопросы, которые она обсуждает.

Валюативная философия как бы декретирует какие-то вещи.

Это — считать хорошим, это — плохим.

Это — нравственным, это — безнравственным.

Думаю, такого деления все-таки нет.

Для меня вся философия – рефлексивная.

Философия, изучающая мир.

Философия, изучающая познание.

Говорящая о нормах деятельности, о том, как нужно себя вести, что нужно делать.

Рефлексивная в том отношении, что пытается обосновать то, что она говорит.

Не просто «так нравится», а почему так нравится.

Философы, которые об этом писали, они пытались обосновать свои рекомендации, начиная с Сократа.

Сократ считал: если ты знаешь, как мир устроен, ты не можешь вести себя безнравственно.

Нравственность зависит от знаний.

Кржевов В.С.: Обосновать или доказать?

Лекторский В.А.: Обосновать.

Что значит доказать?

Что можно доказать в принципе?

Всё ли можно доказать?

И что понимать под доказательством?

Доказать нечто можно только в математике.

В науке, опирающейся на факты, можно только нечто обосновать лучше или хуже.

При этом в науке нет абсолютных обоснований: всегда есть возможность ограниченности действия тех теорий, которые были вроде бы неплохо обоснованы.

Философия тоже пытается обосновывать свои утверждения.

Например, когда Кант утверждал свой категорический императив, своё понимание нравственных максим, он связывал это с пониманием человеческого разума.

Он считал, что эти максимы коренятся в природе разума, в природе человека.

Если брать современных философов, то очень популярна сегодня на Западе теория справедливости Джона Ролза.

Он её обосновывает анализом общества, анализом структуры человека, его природы.

В этой связи хотел бы вернуться к вопросу о взаимоотношениях философии и науки.

Когда философия появилась – в древности, в Античности, – науки отдельно от философии просто не было.

Если взять в качестве примера Аристотеля: там и метафизика, и логика, и физика, и элементы зоологии, астрономии, математики.

Это была единая наука.

Аристотель утверждал: нет ничего более бесполезного, чем философия.

И нет ничего более интересного, чем философия.

Он имел в виду науку в целом.

Науку как теоретическое исследование мира.

Но тогда она не имела практической пользы.

Пифагор был не только математик, геометр – он был и философ.

У него была своя философская школа.

Пифагора спросили:

— Какая польза от Ваших занятий математикой?

В ответ услышали:

— Как вы смеете задавать такой вопрос?

Само по себе знание — это величайшая ценность.

Вы оскорбляете меня таким вопросом.

Впоследствии из того, что казалось бесполезным выросла вся европейская наука.

К Сталину перед войной пришел ученый из Академии наук.

Рассказал, что они занимаются атомной физикой.

Сталин спросил: «А какая польза от этих занятий?»

Ученый ответил, что, наверное, пользы сейчас никакой нет, но это же интересно само по себе.

Сталин дал добро.

Через несколько лет ученые создали атомную бомбу.

Вот и польза.

Что полезно, что не полезно — это сложные вопросы.

Философия считалась высшей мудростью, которая не имеет отношения к обычным занятиям, к интересам обычных людей.

Но она оказалась родоначальницей всей науки.

Науки, из которой выросли все технологии, из которой выросло все в нашей жизни.

Постоянно обсуждаемый вопрос: философия — наука или не наука?

В середине XIX века появилось целое движение — можно его считать и философским, хотя они себя так не называли, — это позитивизм.

У них была такая идея.

Человечество в своей истории прошло три этапа.

Первый этап: все объясняется с помощью мифологии.

Второй этап: появилась философия в виде метафизики.

А потом появилась наука.

Наука может доказать, обосновать, верифицировать, фальсифицировать какие-то утверждения.

На основе которых потом можно жить и лучше развивать технологии.

А философия якобы кончилась.

Она сыграла свою роль, исторически породив науку.

И вроде бы уже больше не нужна.

Но что мы наблюдаем в XX—XXI веках?

Главные дискуссии в науке ведутся вокруг философских проблем.

Начиная с математики, физики, кончая другими дисциплинами, о которых говорил Карен Хачикович.

Дело вот в чем.

Философия, как бы она ни развивалась, всегда имела дело с предельными основаниями человеческого познания.

С предельными основаниями человеческой деятельности.

И наше познание, и наша деятельность на чем-то основаны.

Где же эти основания, предельные высшие основания?

Они коренятся в том, как устроен мир, как устроен человек.

По мнению Канта, три главных вопроса определяют суть философии.

Ответ на них одновременно дает возможность понять, что такое человек.

Первый: «Что я могу знать?» Об этом Карен Хачикович сказал.

Второй: «Что я должен делать?»

Третий: «На что я могу надеяться?»

Но ведь эти вопросы никуда не исчезли.

Более того, они стали сейчас более острыми, чем были раньше.

Сейчас приходится давать на них новый ответ.

Мир вступил в полосу турбулентности.

Все катастрофически меняется:

- социальная жизнь,
- взаимоотношение культур,
- геополитическая ситуация,
- новые технологии.

Новые реальности нашей жизни взрывают наш привычный жизненный мир, ставят нас перед странными вопросами.

Вопросами, на которые неясно, как дать ответ.

И тут начинают разворачиваться философские баталии и дискуссии.

Еще раз о взаимоотношении философии и науки.

Когда говорили, что наука заменит философию, было неверное представление не только о философии, но и о науке.

Ведь как понимали науку?

Наука работает так, считали эти люди 100-150 лет назад.

Есть в мире какие-то повторяемости, корреляции, зависимости – и наука их выявляет.

Это эмпирические законы.

Например, положение о том, что все металлы электропроводные.

Но эта эмпирическая констатация нуждается в объяснении.

Чтобы её объяснить, строится научная теория.

А с помощью теории можно не только объяснять имеющиеся факты и эмпирические зависимости, но и предсказывать новые факты и новые эмпирические зависимости.

На основе знания эмпирических зависимостей можно создавать новые технологии, которые улучшают нашу жизнь.

А зачем философия?

Философия при таком понимании тут ни при чем.

Но сейчас ясно, что наука устроена совсем не так.

Конечно, есть эмпирические зависимости, и их можно обнаружить.

Есть теории.

Но теория строится не просто как обобщение эмпирических зависимостей.

Когда Ньютон создавал основы классической механики, когда он формулировал свои законы, он их разве просто из опыта выводил?

Приведу как пример один закон классической механики.

«Если на тело не действует никакая внешняя сила, это тело будет двигаться прямолинейно, равномерно и бесконечно».

Но ведь ни в каком опыте этого нельзя наблюдать.

Это утверждение не из опыта берется.

Это продукт идеализации, мысленных экспериментов.

Между тем что пытаются сегодня делать в связи с развитием искусственного интеллекта?

С помощью машинного анализа, так называемых «больших данных» выявляют корреляции между огромными массивами фактов.

Иными словами, пытаются выявить эмпирические зависимости.

На основе знания этих зависимостей можно делать предсказания.

А теория вроде бы и не нужна в этом случае.

Сегодня некоторые энтузиасты машинной обработки «больших данных» с помощью искусственного интеллекта считают, что теория больше не нужна.

Это значит, что если в XVII веке был бы возможен подобный анализ «больших данных», то научная теория не возникла бы, не появилась бы вообще современная наука.

Сегодня ясно: теория не просто строится на основе обобщения эмпирических зависимостей (хотя учитывает эти зависимости), а предполагает научную картину мира.

Во времена Ньютона и позже это была механическая картина мира.

Потом появились электромагнитная картина, затем картины, лежащие в основе теорий относительности и квантовой механики (притом последние две не согласуются между собой).

Вместе с тем картина мира находится в сложном отношении к эмпирическому опыту.

Она не верифицируется и не фальсифицируется опытными данными.

Картина мира может быть отвергнута и заменена другой в том случае, если теории, основанные на этой картине, оказываются всё менее и менее результативными.

А это непростой процесс.

Принять или не принять ее?

Она определяется более сложными процессами.

Например, когда возникла теория относительности Эйнштейна, она тем самым отвергла механическую картину мира.

Но была масса физиков, которые еще десятки лет придерживались старой картины мира.

А картина мира предполагает определённые философские основания.

Когда в XX веке эти основания заколебались, ученые обратились к философии.

Эйнштейн, Бор, Гейзенберг, Шрёдингер читали философские тексты.

Современные специалисты в области квантовой механики изучают Платона и Аристотеля.

Когда в XX веке возникли споры о том, что считать основаниями математики, то математики стали читать Канта и Платона.

Философия существует во множественном числе.

Это факт.

В отношении одних и тех же проблем предлагаются разные философские решения.

А наука вроде бы единая.

Кажется, что этот факт принципиально отделяет философию от науки.

В действительности дело обстоит не так.

Например, возьмём математику.

Вроде бы если в математике доказана теорема, то спорить по этому поводу бессмысленно.

Тут не может быть разных мнений.

Между тем современная математика тоже существует во множественном числе.

Дело в том, что есть разные школы обоснования математики.

Например, последователи школы математического интуиционизма не принимают некоторые теоремы, доказанные в классической математике.

И современная физика существует во множественном числе.

Есть, например, разные интерпретации квантовой механики.

Ученые спорят между собой, когда говорят о фундаментальных вопросах.

Речь идёт о разных исследовательских программах, о разных способах понимания мира.

И эти споры не менее жесткие, чем споры в философии.

Иногда, противопоставляя философию и науку, говорят, что философы на протяжении столетий без конца обсуждают одни и те же вопросы и не могут прийти к общему, приемлемому решению.

Между тем как наука, успешно решив одну проблему, переходит к следующей.

Но это утверждение может относиться только к частным эмпирическим проблемам.

Кроме таких проблем есть и проблемы фундаментальные.

С последними имеет дело как философия, так и наука.

И можно сказать, что на протяжении всей своей истории наука тоже обсуждает некоторые фундаментальные – если угодно, вечные – проблемы, на которые она не может дать окончательный и всеми приемлемый ответ.

Например, что такое время, что такое Вселенная, что такое жизнь.

Философия бывает разной не только в смысле выдвигаемых решений и исследовательских программ, но и в отношении предлагаемых способов постижения мира.

Некоторые философы считают такими способами интуицию, озарение, некоторые особые состояния сознания.

Другие исходят из того, что понять мир и человека можно только рациональными средствами.

Это рациональная философия.

Я сторонник этого типа философии.

Это философия, которая использует определенные аргументы для обоснования своих положений.

Есть такие методы логических рассуждений, как дедукция и индукция.

Математики используют дедукцию.

Науки, имеющие дело с эмпирическими фактами, пользуются индукцией.

Между прочим, именно философ Аристотель сформулировал основные законы логики.

И философы разрабатывали логику на протяжении всей истории философии.

Сейчас логику разрабатывают и математики.

В XX веке большой вклад в логику внесли, например, такие философы, как Бертран Рассел, Рудольф Карнап, Уиллард Куайн и другие.

Какие способы аргументации есть в философии?

Они не сводятся только к индукции и дедукции.

Конечно, дедукцию и индукцию можно использовать и в философии тоже.

Но есть такой способ аргументации, который называют абдукцией.

Его и наука использует. В философии он особенно распространён.

Это «обращение к лучшему обоснованию».

Когда есть какие-то явления, вы пытаетесь их объяснить.

Для обоснования предлагаете какую-то гипотезу.

Она может быть прямо и не верифицирована, и не фальсифицирована.

Но в то же время быть более или менее убедительной.

Например, с помощью теоретических построений удается удачно предсказывать будущие эмпирические факты.

Если считать, что теория – это просто обобщение предыдущего опыта, то непонятна предсказательная сила теории.

А если считать, что теория соответствует тому, что есть в самой реальности, хотя до сих пор это не встречалось в опыте, то успех теории понятен.

Это «лучшее объяснение» и это обоснование тезиса о том, что наше познание имеет дело не с упорядочением субъективных ощущений, а с реальностью, существующей независимо от нашего сознания и познания.

Это абдуктивный аргумент.

Сегодня в мире происходят такие процессы, которые ставят под вопрос многие основания нашей жизнедеятельности.

Это и геополитические процессы.

Это и взаимодействие разных культур.

Конечно, разные культуры взаимодействовали и раньше.

Но в основном они жили более-менее изолированно.

А сейчас они вступили в очень тесное взаимодействие.

И тут оказывается, что в разных культурах имеются разные представления:

- о мире,
- о ценностях,
- о взаимоотношениях прав и обязанностей.

Для западного мира характерно мнение о том, что из наших прав вытекают наши обязанности.

В других регионах мира считают, что из обязанностей вытекают наши права.

И что поставить на первое место – индивидуальные права или коллективные права?

Для того, чтобы в этом мире жить вместе, не уничтожить друг друга, приходится думать, как понимать друг друга.

А понимать непросто.

Если верить некоторым специалистам по арабско-мусульманской философии, в частности, академику Смирнову Андрею Вадимовичу, то в арабско-мусульманской культуре и философии иное представление о мире, чем в западной культуре и философии.

Мы можем говорить с представителем иной культуры о чём-то, и нам может казаться, что мы говорим об одном и том же.

А на самом деле мы можем иметь ввиду одно, а он совершенно другое: говорим об одном, а понимаем по-разному.

Проблема взаимопонимания и взаимопереводимости оказывается острой практической проблемой.

А это же философская проблема.

Назову некоторые другие философские проблемы, которые сегодня стали острейшими.

Они заставляют обращаться к философии многих людей.

Я назвал уже дискуссии в основании некоторых наук.

Это и математика, и физика, и биология.

Сейчас возникла новая ситуация, связанная с тем, чем я специально занимаюсь, о чем я уже однажды докладывал в этой аудитории.

Дело в том, что мир вступил в новую эру.

В цифровую реальность.

В реальность, которая все меняет.

Попробую пройти по кантовским вопросам и показать, насколько эти вопросы звучат сегодня по-новому.

Первый вопрос: «Что я могу знать?»

Кант давал свой ответ.

А сейчас что получилось?

В каком случае я знаю?

В каком случае я понимаю?

Ответ на эти вопросы – дело философии.

Наука прямо на эти вопросы не отвечает.

А в науке в XX веке получилось так.

Когда возникли квантовая механика и теория относительности, некоторые учёные стали говорить, что мы имеем неоспоримые результаты экспериментов, формулируем математические теории, которые их объясняют; мы с помощью теории можем предсказать новые факты.

Тем не менее нам трудно понять ту реальность, с которой имеет дело квантовая механика.

Наш познавательный аппарат, сложившийся веками и связанный с тем, что соответствует здравому смыслу и нашему обычному опыту, в этой области плохо работает или же иногда совсем не работает.

Приведу пример.

Речь идет об онтологии процессов, с которыми имеет дело квантовая механика.

Наше познание исходит из того, что есть отдельные вещи, предметы, процессы.

И есть способы индивидуации предметов.

Возьмем два предмета — А и Б.

Эти предметы разные в том случае, если какие-то их свойства разные.

Если у них абсолютно одинаковые свойства, то это один и тот же предмет.

Философ Готфрид Вильгельм Лейбниц, который был также великим ученым и математиком, сформулировал принцип тождества неразличимых:

«Если два предмета не имеют различных признаков, то это один и тот же предмет».

А как дела обстоят в квантовой механике?

Разные частицы могут иметь те же самые свойства и оставаться при этом разными.

Но это же противоречит здравому смыслу.

Тем не менее такой контринтуитивный принцип принимается в квантовой механике.

Как к этому отнестись?

Это проблема для науки и для философии.

Всегда считалось: если есть научная теория, эта теория обладает тремя свойствами.

С ее помощью можно:

– предсказать новые факты,
– можно объяснить те факты, которые уже есть (на основе законов, которые формулируются в теории),

– понять, с чем вы имеете дело.

Обработка «больших данных» с помощью системы искусственного интеллекта позволяет выявлять корреляции между огромными группами фактов.

Человек не может это сделать.

А машина — может.

Выявляя эти корреляции, можно предсказывать будущие события.

Машина предсказывает.

Но мы не понимаем, почему возможно такое предсказание, как оно получено.

И мы не можем объяснить то, что есть.

Встал вопрос о доверии к предсказаниям искусственного интеллекта.

Доверять им или нет?

Мы обсуждали этот вопрос в рамках работы нашего Научного совета по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований при Президиуме РАН.

Мы проводили специальную трехдневную конференцию в здании Академии наук.

Дело в том, что машина может ошибаться.

Ошибаться она может по двум причинам.

Во-первых, могут быть ошибки в программе.

Во-вторых, могут быть какие-то сбои технического порядка.

Допустим, что испытывают такую интеллектуальную систему.

Если в 80% случаев она предсказывает правильно, то в каких-то практических ситуациях можно ей доверять.

Это доверие основано на знании о том, как она работала, в какой степени она надежна.

Такие прогнозы используются во многих сферах жизни.

Используются и в медицинских целях.

Но когда речь идет о жизни и смерти человека, 80% вас устроят?

Вдруг вы попадете в те 20%, когда машина может ошибиться?

Такие прогнозы используют и в военном деле.
И это тоже может быть опасно.

Проблема доверия – это глубокая философская проблема.

Как соотносятся критическое размышление и доверие?

Ясно, что без критического размышления наука невозможна.

Ведь наука — это критика.
Она предполагает взаимную критику.
Без этого наукой заниматься нельзя.

Но без доверия тоже нельзя ни наукой заниматься, ни просто жить.

В науке всегда что-то принимается на основе доверия.

По крайней мере, до какой-то поры.

Потом, может быть, в этом можно будет и усомниться.

Нельзя все перепроверять.
Нельзя ничему не доверять.

Это вообще фундаментальная проблема человеческой жизни.

И вот эта проблема сейчас снова становится предметом споров.

В частности, в отношении предсказаний искусственного интеллекта.

Но и в межчеловеческих отношениях без доверия жить нельзя.

Если завтра кто-то скажет: такому-то банку доверять нельзя.

Все побегут, заберут деньги – банк лопнет.
Хотя для гибели банка не было никаких оснований.
Какой-то жулик сказал это, и ему поверили.
Но ведь мы же не можем жить, не доверяя никому.

Конечно, всем доверять нельзя.
Но кому-то приходится доверять.

Мы сегодня оказались в сложной ситуации.
Доверием злоупотребляют в колоссальной мере.
Начиная со всяких мошенников – они расплодились в великом множестве.

Я не так давно сам чуть тоже не попался в ловушку к таким мошенникам.

По телефону позвонили и предложили что-то сделать.

Я поверил.

Плюс сегодня идут информационные войны, боты всякие в социальных сетях.

Мы не знаем, с кем мы имеем дело.
Человеку можно внушить любую ахинею.
И внушают.

Это проблема, стоящая сейчас в острейшей форме.
В более острой, чем раньше.
Потому что мы живем в новой реальности.

Продолжаю обсуждать первый кантовский вопрос: «Что я могу знать?»

Кажется, что мы о себе знаем всё.

Во всяком случае знаем о себе то, чего не знают о нас другие.

Мы знаем, кто мы такие, когда мы родились.

У нас есть память о себе, воспоминания.

Мы говорим, что человек – это личность.

А что такое личность?

Это мое знание о себе, о своем прошлом.

Это мое знание о моих отношениях с другими людьми.

Это мое знание о важных и неважных событиях в моей жизни.

Память — это основа всех наших знаний.

Это основа нашей жизни.

И это основа нашей личности.

Но теперь появилась цифровая память.

Ваши знания, запечатлённые в памяти, выносятся за пределы вашего мозга.

Что-то хранится в телефоне, в компьютере, что-то где-то еще.

Это во-первых.

Во-вторых.

За вами следят: какие-то системы знают о вас больше, чем вы.

О себе всё помнить нельзя.

Это вообще вредит.

Это уменьшает простор для вашей креативности, для вашего творчества.

Оказывается, если всё помнить, жить невозможно.

Был такой философствующий аргентинский писатель — Хорхе Луис Борхес.

У него есть рассказ о человеке, который ничего не забывал.

Он просто не мог жить.

А машина будет о вас помнить всё.

В этой связи уже выдвигаются идеи практического решения вопроса.

Некоторые юристы предлагают ввести право на забвение, закон о забвении.

Особенно это может быть актуально, когда о вас кто-то помнит то, что лучше бы не помнить.

Исторически, в философии и психологии, всегда казалось: если вы что-то знаете, вы осознаете, что вы это знаете.

Я знаю, что я это знаю.

То есть сознание и знание представляются неразделимыми.

Но сейчас в результате когнитивных исследований ясно: большую часть того, что вы знаете о себе, вы не осознаете.

У вас мозг постоянно работает.

Он решает познавательные задачи.

Он решает мыслительные задачи.

А вы этого не осознаете, вам не нужно это сознавать.

Осознает ли машина то, что она делает?

Этот вопрос обсуждался на другой конференции нашего Совета: «Искусственный интеллект и проблема сознания».

Машины делают какие-то интеллектуальные операции – те, которые человек не может делать.

Они имитируют какую-то человеческую деятельность.

Но осознают ли они?

Осознание — это великая вещь.

Даже если взять чисто практическую сферу деятельности, вы несете ответственность за то, что делаете.

Если вы осознаете, что вы делаете.

Когда вы принимаете какое-то решение, у вас есть свобода воли.

Вы осознаете, что приняли решение.

И вы за него отвечаете.

За последствия этого решения.

За последствия ваших действий.

А если вы не осознавали этого, были под гипнозом или еще в каком-то состоянии, вы не отвечаете.

А если машина осознает?

Тогда появляется объект права?

Некоторые юристы сейчас обсуждают эту проблему.

«Можно ли приписывать правосубъектность электронным лицам?» – так они формулируют эту проблему.

Идут дискуссии на эту тему.

Некоторые юристы считают, что это можно делать.

Но как так?

Если судья принимает решение – а законов, актов много, он не может все запомнить, и он обращается к машине.

Машина помогает ему, суммирует законотворческие документы, выдает ему какой-то результат.

И судья на основании рекомендаций машины принимает решение.

Кто же отвечает за это решение?

Судья или машина?

Судья, конечно.

А ведь некоторые предлагают возложить ответственность на машину.

Или на программиста – разработчика программы.

Появились так называемые «техносубъекты».

Но субъекты ли это?

Я думаю, что не субъекты.

Я считаю, что машине нельзя приписывать сознание.

Ей можно приписывать рациональность.

А что такое сознание?

Философы обсуждали это тысячи лет.

И сейчас обсуждают.

Есть много литературы на этот счет, появились новые факты.

Мыслительная работа мозга, оказывается, не всегда осознается.

Например, ставились такие эксперименты.

У человека в мозгу поврежден зрительный центр.

Но не до конца поврежден.

Человек ничего не видит, он слепой.

И вот перед ним ставят какие-то предметы и спрашивают его:

— Вы что-то видите?

— Ничего не вижу.

А потом задают ему какие-то косвенные вопросы.

Из ответов следует: он все-таки что-то видит.

То есть он может что-то видеть хуже, чем обычно, но всё-таки видит.

Но при этом не сознаёт, что он видит.

В общем, есть вещи, которые подвергают сомнению то, что сотни и тысячи лет казалось очевидным.

Конечно, это новая ситуация, которая требует переосмысления того, что казалось самоочевидным.

Это новое понимание ответа на вопрос о том, что я могу знать.

А вот второй кантовский вопрос: «Что я должен делать?»

Должен ли слушаться машину во всех случаях, каждый раз?

Наверное, всё-таки нет.

Ведь машина может ошибаться.

К её рекомендациям следует относиться критически.

Ответ на вопрос о том, что я должен делать связан с проблемой свободы воли.

Для того, чтобы, что-то сделать, нужно принять решение.

Решение может быть одним или другим.

Решение не есть результат внешнего причинного воздействия на моё сознание.

Я сам принимаю это решение и поэтому отвечаю за него.

А это возможно лишь в том случае, если моя воля свободна.

Карен Хачикович рассказывал об экспериментах американских нейрофизиологов.

Вроде бы они показывают: когда вы что-то хотите сделать, за какие-то миллисекунды до этого мозг уже это решение принял.

Это не вы решили.

Это мозг решил.

Он вами управляет.

Как к этому относиться?

Эти опыты ставили, проверяли, перепроверяли.

Вроде бы ошибок в самих экспериментах не было.

Возникает вопрос: как это нужно понимать?

Я не буду подробно об этом рассказывать.

И я писал об этом.

Могу только сказать, что дело в интерпретации этих экспериментов.

Я считаю, что если их верно интерпретировать, то никакого опровержения факта свободной воли не получается.

Феномен свободы воли нужно искать не в устройстве мозга, а в культурных надындивидуальных смыслах, которые определяют в том числе и характер индивидуального сознания.

Наличие свободы воли означает, что человек не является рабом обстоятельств и даже собственной предыдущей жизни.

Он может переиначить свою жизнь.

Он может принять то или иное решение.

Такие факты в истории есть.

Например, человек жил одной жизнью, а потом стал жить другой.

Между тем Клаус Шваб – один из организаторов форумов в Давосе – два года назад выпустил вместе с французским журналистом книгу «COVID-19: Великая перезагрузка».

Как известно, во время эпидемии ковида во всем мире люди были вынуждены переходить на работу онлайн, должны были использовать цифровые технологии.

Шваб считает, что не было бы счастья да несчастье помогло.

Конечно, эпидемия — это плохо.

Но она заставила людей не просто переходить в цифровой мир, а делать это ускоренными темпами.

Шваб считает, что это хорошо.

В этом новом мире, согласно Швабу, многие привычные вещи должны меняться.

Например, в этом мире придётся отказаться от признания презумпции невиновности, а этот принцип основан на признании свободы воли.

В этом случае если человек в прошлом себя плохо вел, нужно его сажать, не дожидаясь, когда он совершит ещё какую-нибудь гадость.

Считается, что поведение этого человека предопределено его прошлым.

А свобода воли при таком понимании – это миф.

Но ведь признание свободы воли лежит в основе нашей жизни, это основа всей правовой системы и всей культуры.

Без неё нет человека.

Есть опасность расчеловечивания мира.

Это то, что касается второго вопроса – «Что я должен делать?».

Третий кантовский вопрос: «На что я могу надеяться?»

У Канта был свой ответ на него.

Он связан с идеей загробного существования души.

Это проблема жизни, смерти и бессмертия.

Это вековая проблема всех людей и всех философов.

Проблема, связанная с пониманием смысла жизни.

Она снова сегодня обсуждается в новом контексте.

Некоторые энтузиасты цифровых технологий считают, что можно достичь цифрового бессмертия.

Наберите в интернете слова: «Российская футурологическая ассоциация».

Узнаете много интересного: в частности, что 2045 год – год решения проблемы цифрового бессмертия.

Что это значит?

Всё, что вы о себе знаете как о личности, записано в вашем мозге.

Информацию эту можно будет «снять» с вашего мозга.

Если этого нельзя сделать сейчас, то можно будет сделать в ближайшем будущем.

И перенести эту информацию на другой носитель, например, в мозг другого человека.

Вы стареете.

Ваше тело дряхлеет.

А тело и мозг другого человека будут моложе.

Но ведь другое тело тоже не вечно.

Поэтому лучше всего перенести информацию о вашей личности на цифровой носитель, там вы будете жить практически вечно.

Возможно ли это?

Думаю, что в принципе нет.

Но сейчас не буду обсуждать это.

Я об этом писал.

Но если бы даже это было возможно, какова перспектива жить такой бессмертной жизнью?

Вы будете жить без тела.

Но ведь ваша личность, ваша идентичность связана именно с вашим с телом.

И ваши воспоминания связаны с этим телом.

У Франца Кафки есть рассказ «Превращение».

Герой рассказа однажды проснулся и обнаружил, что он в виде какого-то таракана ползает по потолку.

Он остался вроде бы самим собою, а тело — таракана.

Страшный рассказ.

К нему изменилось отношение людей.

И он сам не мог считать себя тем же самым человеком.

Это первое.

А вот второе.

Представьте, что человек живет в обществе, где все бессмертны.

Но в таком обществе не нужны новые люди.

В таком обществе никто не умирает и никто не рождается.

Поэтому исчезает отношение к старикам и детям – важнейшие ценностные основания человеческой жизни.

В таком обществе не нужна любовь.

Если человек никогда не умрет, то ему не нужны такие фундаментальные человеческие качества, как самопожертвование и мужество.

Ведь мужество предполагает возможность погибнуть.

А в обществе бессмертных это невозможно.

Главные ценности человеческой жизни обесмысливаются.

Смерть теряет смысл.

И жизнь теряет смысл.

Такая вот эта якобы возможная бессмертная жизнь.

**Философы-экзистенциалисты писали:
возможность смерти обесмысливает жизнь.**

Камю писал примерно в таком духе.

**Но на самом деле цифровое бессмертие
тоже может обесмыслить жизнь.**

Когда философия появилась в Древней Греции, она занимала мысли небольшой группы мудрых людей, которые пытались постичь мир и человека.

Это были фундаментальные теоретические проблемы.

Как я уже сказал, из философии выросла впоследствии вся наука.

Но все остальные люди жили без философии.
Им было ясно, как жить.
Так же, как жил отец, как жил дед.
Ничего принципиально не менялось.

Но со временем начали происходить большие изменения.

В XVII веке возникла наука нового типа – экспериментальная, которой не было в Античности.

Учёные обратились к философии, чтобы обосновать новый способ понимания мира и человека.

В XX веке произошла грандиозная научная революция.

И математики, физики, биологи снова обратились к философии.

Но то, что происходит сейчас, колеблет глубинные основы бытия, колеблет не только предельные основания познания, но и глубинные основания человеческой жизни.

Сегодня это касается практически каждого человека.

Речь идет об антропологическом вызове.

Что-то приходится менять.

Мы не можем не меняться.

При этом важно, меняясь, сохранить в себе человека.

Сохранить фундаментальные ценности, которые делают человека человеком.

Важно:

- понимание других людей,
- взаимопонимание,
- достоинство,
- самоуважение,
- уважение других людей.

Жить в коллективе — это эмпатия.
 Это любовь, дружба, солидарность.
 Без этого человек не будет человеком.

**Философия — фундаментальная дисциплина.
 Но она становится все более практической.**

**Она может говорить: вот по этому пути можно и
 следует идти в познании и в практической деятельно-
 сти.**

**И предупреждать: вот таких-то вещей категори-
 чески делать нельзя.**

Сейчас, например, обсуждается идея улучшения
 человека.

- Но что такое «улучшение»?
- Сделать человека более умным?
- Более эмоциональным?
- Может быть, более быстрым?
- Меньше спящим?
- Пусть он меньше ест?
- Быстрее бегают?

- А что от этого толку?
- Будет ли человек в результате лучше?
- Может быть, он будет хуже.
- Что считать «лучше»?
- Это ведь философская проблема.

Сегодня существует в мире и у нас движение по «улучшению человека».

Оно называется трансгуманизмом.

Отдельные философы защищают сегодня идею трансгуманизма.

Но я считаю её опасной.

Есть разные варианты трансгуманизма.

Первый — довольно мягкий: просто улучшим какие-то качества человека.

Человек будет больше жить.

Он не обязательно будет бессмертным.

Но будет более здоровым.

Он будет более эмоциональным.

Он будет более умным.

Он сохранит человеческое достоинство.

Он сохранит свою свободу.

Как это сделать?

С помощью генной инженерии.

Можно влиять на развитие человеческого эмбриона.

Родители могут заказывать себе ребенка по своим желаниям.

Но подобная установка влечет за собой целый ряд опасностей.

Во-первых, вы за будущего ребенка определяете его судьбу.

Вы за него решаете, каким ему быть.

Из субъекта он превращается в объект ваших манипуляций.

Во-вторых, что считать лучшим?

Ведь в разных культурах есть разные представления о лучших или худших качествах.

Быть более эмоциональным?

Но в некоторых культурах эмоциональность не поощряется.

Скорее, осуждается.

Лучше считать?

Машина все равно будет считать лучше, чем человек.

Человеку это не нужно делать.

В-третьих.

Какие родители смогут заказать ребёнка с определёнными качествами?

Только те, у которых есть на это средства, а это очень большие средства.

А остальные не смогут этого сделать.

Значит, возникнет такое общество, в котором одни люди будут во всех отношениях выше других.

Появятся новые касты.

Но это очень опасно.

И это самый мягкий вариант.

Есть более жесткие варианты трансгуманизма.

Вот второй вариант.

Считается, что наряду с людьми в общество должны включаться машины и животные.

Им приписывается правосубъектность, право субъектности?

Если машина будет таким же субъектом, как человек, то она будет вам указывать, как себя вести.

Третий вариант трансгуманизма.

Человек — не высший этап эволюции.

Будет более высокий уровень: либо люди будут вытеснены (уничтожены) сверхумными техническими системами, либо будут низведены на положение рабов таких систем.

Борьба с такого рода концепциями и жизненными установками – важнейшая миссия современной философии.

В современном мире философия востребована в высшей степени.

Без философского осмысления того, что происходит в науке, мире технологий, в жизни человек не имеет будущего.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо за блестящий доклад.

Предлагаю задать вопросы Владиславу Александровичу.

Затем мы перейдем к третьему докладу.

Пожалуйста, Михаил Мокий.

проф. **МОКИЙ М.С.** – акад. **ЛЕКТОРСКИЙ В.А.**

МОКИЙ М.С.

д. э. н., профессор, профессор кафедры национальной экономики РАНХиГС при Президенте РФ

Мокий М.С.: Спасибо большое, Карен Хачикович и Владислав Александрович.

Прекрасные доклады.

Хотелось бы получить из первых уст ответ на вопрос.

Всё-таки философия — это наука или нет?

Какие критерии научности Вы выдвигаете для обоснования своей точки зрения?

Второй вопрос.

Карен Хачикович говорил, что должно быть миропонимание.

Одна из задач философии — это осознание мира, то есть миропонимание.

Говорил о существовании общих универсальных закономерностей.

Значит, они должны быть применимы в том числе и для социальных объектов и систем.

Ценности имеют социальное происхождение.

Какие должны быть ценности на основе универсальных закономерностей?

Спасибо.

Лекторский В.А.: Как я говорил, есть два типа философии.

Философы первого типа считают, что философия, как и наука, пользуется рациональными аргументами и с наукой тесно связана.

Философия использует дедукцию, индукцию, абдукцию, анализ, синтез.

Особый философский тип аргументации, так называемый «трансцендентальный аргумент»: если нечто самоочевидно, нужно выявить смысловые условия его возможности.

Философия имеет дело с исследованием смыслов.

В Античности и в Средние века наука вообще не отделялась от философии.

Потом, когда начиная с XVII века естественная наука стала экспериментальной, она отличала себя от философии.

Тем не менее в решении фундаментальных проблем любая научная дисциплина исходит из философских предпосылок.

Наиболее острые дискуссии в современной науке ведутся как раз по этим вопросам.

Существует точка зрения о том, что философия и есть общая часть всей науки.

Есть и иная позиция: философия – это рациональный анализ самой науки: «наука о науке».

Это значит, что философия исследует условия возможности научного знания, методы наук, онтологии, предполагающиеся разными научными дисциплинами и разными научными теориями.

Она исследует взаимоотношения между науками и отношения науки с обыденным знанием, с этическими нормами, с широкой областью культуры.

При таком понимании философию можно считать либо особой рациональной деятельностью, отличной от

науки, но тесно с нею связанной, либо наукой особого рода.

Между прочим, многие классики считали свою философию особой наукой.

Гегель назвал одну из своих книг «Наука логики».

Уже в XX веке Гуссерль написал статью о своей концепции, которую он назвал «Феноменология как строгая наука».

Я разделяю именно такое понимание философии.

Но есть и иной тип философии.

В этом случае философия понимается как особый способ осмысления мира и человека, использующий не рациональные методы, а методы вне-рациональные: интуицию, озарение и другие.

Философы, придерживающиеся этой позиции, противопоставляют философию науке.

Я считаю философствование такого рода непродуктивным, не помогающим разобраться в той сложнейшей ситуации, в которой оказался современный мир.

Философия должна исследовать, анализировать и делать ясными свои заключения.

Однажды Рассел сказал: есть два типа философствования.

Одни ясное делают неясным.

А другие пытаются неясное сделать ясным.

Рассел был сторонником второго способа понимания философии.

В этом я присоединяюсь к нему.

Смысловой анализ очень важен.

Порой самые очевидные явления оказываются самыми сложными при анализе.

Был в Средние века философ-теолог Блаженный Августин.

Однажды он сказал: «Я знал, что такое время.

Знал до того, как меня спросили об этом.

Когда меня об этом спросили, я понял, что не могу ответить на этот вопрос».

Вроде, каждому из нас ясно, что такое сознание.

Но в отношении анализа сознания до сих пор ведутся большие споры.

В чем его смысл?

Почему оно возникло эволюционно?

Ведь многие познавательные процессы – и весьма сложные – мозг осуществляет бессознательно.

Что такое «Я»?

Разве мое тело?

Разве мой мозг?

Но тогда что это?

А ведь без наличия «Я» вы не можете существовать как личность.

И так далее.

Вот этими вопросами занимается философия.

Принимая во внимание то, что выяснено с помощью науки.

В частности, с помощью современных когнитивных наук.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Вопрос Александра Нестерова из Самарского университета.

д. филос. н. НЕСТЕРОВ А.Ю. – акад. ЛЕКТОРСКИЙ В.А.

НЕСТЕРОВ А.Ю.

д. филос. н., директор Социально-гуманитарного института Самарского университета

Нестеров А.Ю.: Спасибо, Гарегин Ашотович.
Уважаемый Владислав Александрович, спасибо
Вам.

Карен Хачикович, спасибо Вам.

Вопрос к вам обоим.

В свете технологической сингулярности и системы искусственного интеллекта наше вузовское сообщество столкнулось с вызовом – с вызовом генеративного искусственного интеллекта.

У меня вопрос к Вам, Владислав Александрович.

Есть ли у Академии позиция по его использованию в образовании?

В МГУ была большая конференция по этому поводу.

Мне кажется, это имеет прямое отношение к исчезновению философии.

Поясню.

Генеративный искусственный интеллект позволяет, например, одним кликом заместить аспирантский реферат по истории философии и науки.

Уже два года люди этим активно пользуются.

Евгений Николаевич Ивахненко написал статью о том, как в РГГУ была написана выпускная квалификационная работа с помощью генеративного искусственного интеллекта.

Сейчас это массовое явление.
Юридически оно не регламентируется.

ГОСТ по использованию искусственного интеллекта в образовании вышел буквально пару недель назад.

Но ГОСТ это вообще никак не регламентирует.
Отсюда появляются разные этические кодексы.
Очень аккуратно — в НИУ ВШЭ.
В Тюмени тоже разрабатывается.
Но они тоже не решают эту проблему.

К Карену Хачиковичу очень короткий вопрос.
Действительно, физики всегда великолепные слушатели философии.

А являются ли инженеры благодатной почвой для философских штудий?

Спасибо, коллеги.

Лекторский В.А.: Скажу кратко.

Генеративный искусственный интеллект — это, конечно, страшная вещь.

Да, он пишет курсовые, дипломные работы.

Сам он ничего не творит.

Он берет тексты, которые уже имеются.

Он может изучить колоссальный объем этих текстов и из них что-то компоует.

Но студенты и раньше так писали свои работы.

В этом смысле студенты работают ничуть не лучше, чем искусственный интеллект.

А он работает ничуть не хуже, чем они.

Это верно.

Попробуем провести такой мысленный эксперимент.

Когда возникла обработка больших данных с помощью системы искусственного интеллекта, появилась возможность находить корреляции между разными огромными группами фактов и на основе этого делать предсказания.

Представьте себе, что такая машинная обработка больших данных была бы возможна в XVII веке, когда произошла Великая научная революция, когда возникла классическая механика, первая научная теория нового типа.

Если бы это было возможно тогда, то теория была бы не нужна.

Современная наука не возникла бы, потому что искусственный интеллект обрабатывал бы большие массивы данных и на этой основе делал бы точные предсказания.

Например, о том, как движутся планеты.

Зачем предполагать, что Земля вращается вокруг Солнца?

Зачем предполагать существование законов механики?

Они же из опыта не выводятся.

В опыте, например, невозможно наблюдать, чтобы тело, к которому не приложена никакая сила, двигалось бы бесконечно, равномерно и прямолинейно.

А ведь это основной закон классической механики, выведенный не прямо из опыта, а посредством ряда идеальных экспериментов.

Когда появилась возможность обработки «больших данных» с помощью систем искусственного интеллекта, появился вал статей о том, что теория больше не нужна.

Якобы можно науку делать без теории, без гипотезы.

И даже без экспериментов.

Это значит, что, если бы эти возможности были в XVII веке, у нас никогда не возникла бы наука.

Что касается генеративного искусственного интеллекта, там другой вопрос.

Такой искусственный интеллект может писать музыку, например, в стиле Баха.

И он так пишет эту музыку, что искусствоведы, музыковеды не отличают, Бах ли это написал или машина.

Искусственный интеллект в этом случае просто использует, что Бах делал, и на основе этой работы он создает уже то, чего у Баха не было.

Искусственный интеллект пишет не только курсовые работы.

Он пишет детективные рассказы.

А вот «Анну Каренину» он никогда не напишет.

И «Войну и мир» никогда не напишет.

Если бы такой генеративный искусственный интеллект был во времена Баха, он творил бы новую музыку, исходя из того, что уже есть.

А значит, не было бы каких-то принципиально новых направлений ни в музыке, ни в литературе.

Наступил бы конец творческому человеческому импульсу.

Ведь чтобы писать романы, нужно не просто использовать тексты, которые уже есть.

Нужно жить реальной человеческой жизнью.

Нужно жить в конкретной культуре.

Нужно иметь человеческое тело, в конце концов.

Чтобы испытывать холод, тепло, чтобы вбирать впечатления от жизни, от общения с людьми, с природой.

Иными словами, нужно испытывать человеческие эмоции.

И нужно жить проблемами: социальными, культурными, личностными.

Тогда может появиться что-то принципиально новое.

Произведение, которое даст ответы на наши проблемы.

А генеративному искусственному интеллекту ничего этого не нужно.

У него нет наших проблем.

Он может только паразитировать на том, что человечество уже создало.

Если его внедрение пойдет широко, это приведет к остановке культурного развития человечества.

Будут только варьировать то, что уже есть.

Однако в каких-то областях это может получаться даже и неплохо.

Может быть, можно будет писать какие-то абстрактные картины, например.

Или додекафонную музыку.

Но это не было бы концом культуры.

Что касается практических вещей, где-то это можно использовать, а где-то нужно просто запрещать.

Если вместо студентов работы будут писать машины, куда дальше двигаться?

Какими специалистами станут эти студенты?

Это опасно.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Мецо Игитян, фонд «Стратегия», пожалуйста.

ИГИТЯН М.Ю. – акад. ЛЕКТОРСКИЙ В.А.

ИГИТЯН М.Ю.

преподаватель МГИМО МИД России, президент Фонда поддержки международных экономических и гуманитарных программ «Стратегия»

Игитян М.Ю.: Всех приветствую!

Спасибо большое за интересные доклады и Карену Хачиковичу, и Владиславу Александровичу.

Мой вопрос касается искусственного интеллекта и права на автономию.

Практика показывает, что эта сфера реально развивается какими-то космическими темпами.

Если предположить, что все-таки искусственный интеллект достигнет уровня самосознания, должно ли быть у этого искусственного интеллекта право на автономию?

Лекторский В.А.: Думаю, что он до этого не разовьется.

Что значит автономия?

Это значит, что агент имеет сознание и самосознание и отвечает за свои сознательно принимаемые решения.

Можно считать, что искусственный интеллект обладает рациональностью, хотя это иная рациональность, чем у человека – я говорил об этом.

Но нет оснований приписывать ему сознание.

Рациональность и сознание не одно и то же.

Как я говорил, многие рациональные процессы мозг осуществляет бессознательно.

Если считать, что искусственный интеллект обладает сознанием, тогда нужно приписывать ему человеческие права.

Но этого не нужно делать.

Во-первых, потому, что нет никаких оснований считать, что у него есть или будет сознание.

Во-вторых, потому что это было бы очень опасно.

Вообще не всё можно делать, нужно делать.

Я считаю, что системы искусственного интеллекта не могут обладать сознанием.

Не буду сейчас подробно говорить о том, почему я так считаю.

Но к тому же и не нужно приписывать им сознание.

В истории человечества многие события происходили не потому, что они были неизбежны, а потому, что люди собственные проекты бессознательно принимали за необходимый ход истории.

Игитян М.Ю.: Я этот вопрос задал.

Но я предполагаю, рано или поздно мы к этому придем.

Мы уже понимаем, что 90% функций вместо человека будет выполнять искусственный интеллект.

Представьте, если вдруг где-нибудь в суде столкнется решение, принятое искусственным интеллектом, против человеческого...

Тосунян Г.А.: Дискуссия потом.

Владимир Смолин, Ваш вопрос.

СМОЛИН В.С. – акад. ЛЕКТОРСКИЙ В.А.

Смолин В.С.: Я тоже с большим интересом слушаю философов.

На конгресс по сознанию в Красновидово тоже ездил, даже там выступал.

Философы всегда очень уверенно говорят, они знают, как работает сознание, как мы мыслим соответственно.

Мы живем в справедливом обществе?

Люди делают правильные вещи?

Все ответственно?

Но примеры почему-то приводятся другие.

Про физиков и искусственный интеллект.

Не как правильно направлять, например, политиков.

Якобы, он послушает и будет делать по-своему.

Допустим, Дугин.

Есть такое мнение, что он влияет как-то на политику.

И он называет себя философом.

Хотя я бы больше отнес его высказывания к мифологии.

Есть ли какие-то философы, которые влияют на всю систему?

Влияют на правосудие?

Влияют на политические решения?

Лекторский В.А.: Было бы хорошо, чтобы философы влияли.

Смолин В.С.: Вопрос — удастся ли?

Лекторский В.А.: Думаю, Дугин тоже вряд ли влияет на какие-то серьезные решения.

Хотя претендует на это.

Смолин В.С.: Я считаю его мифологом.

Лекторский В.А.: Желательно, чтобы философы влияли как-то на нашу социальную жизнь.

Было время, когда с философами считались в большей степени.

Но я не теряю надежды на будущее.

Голос философов должен быть услышан.

Было бы неправильно утверждать, что философы знают все и что у философов есть ответы на все вопросы.

Это не так.

Вопросы стоят перед всем человечеством.

Вопросы стоят перед нашей страной.

В их решении должны принимать участие разные люди.

Чтобы практически решать какой-то вопрос, нужны специалисты разных дисциплин: социологи, экономисты, юристы, психологи, политологи.

Но и без философов нельзя обойтись.

Поэтому роль философии должна быть значимой.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Рустэм Марданов, Банк России.

Пожалуйста, Ваш вопрос.

к. э. н. **МАРДАНОВ Р.Х.** – акад. **ЛЕКТОРСКИЙ В.А.**

МАРДАНОВ Р.Х.

к. э. н., начальник Главного управления Центрального банка России по Центральному федеральному округу

Марданов Р.Х.: Большое спасибо, Владислав Александрович, Карен Хачикович.

Спасибо за замечательные доклады.

Вопрос о роли философии в современном мире.

Согласитесь ли Вы с позицией, которая у меня сформировалась?

Рассчитывать на то, что в рамках современной философии могут быть найдены ответы на современные общественные вызовы, которые признают, по крайней мере, большинство философов, – не приходится.

То есть, скорее всего, такие ответы найти не удастся.

А что может сейчас философия – это, скорее всего, выполнять некую охранительную функцию.

Функцию, которая сохраняет смысл человеческого существования.

Функцию, предохраняющую от возникновения решений, которые могли бы нанести ущерб человеческому существованию.

В современном мире в этом все большая роль отводится философии.

Правильно ли я понял?

Лекторский В.А.: Думаю, что это так.

Конечно, ответы на современные вызовы искать нужно.

Без нахождения этих ответов человек просто не выживет.

А эти ответы должны искаться как политиками, так и целой совокупностью исследователей, представляющих разные научные дисциплины.

Я уже упоминал многих из них.

В этом поиске философия должна играть важную роль в определении стратегии научных поисков и технологических разработок.

И конечно, философия играет колоссальную роль в деле сохранения человека.

А это исключительно важно сейчас.

Мы живем в мире опасности и непредвиденных ситуаций.

Мы живем в рискованном обществе.

Без философии сегодня не обойтись.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Коллеги, прочитаю вопрос из чата от Антона Бузина, заместителя председателя правления АО «Морской банк»:

«Почему в философии очень много мыслей о структуре сотворенного мира, но как-то очень скромно раскрывается вопрос о Творце?»

Это вопрос всем докладчикам.

Хочу, чтобы на этот вопрос обратили внимание.

Перейдем к третьему докладу.

Владимир Сергеевич, пожалуйста.

ДОКЛАД 3

КРЖЕВОВ В.С.

к. филос. н., доцент кафедры социальной философии
и философии истории философского факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова

Я благодарен за предоставленную возможность.
Очень интересно, и очень благодарная аудитория.

Сошлюсь на свой преподавательский опыт.

Я не буду говорить о том, что такое философия.

Я буду пытаться думать о том, как ее преподавать,
особенно, как ее преподавать в современном мире.

До поступления в Московский университет на
кафедру Карена Хачиковича у меня был очень
счастливый опыт.

Я шесть лет преподавал на кафедре философии
Физико-технического института в Долгопрудном.

У нас там была очень заинтересованная аудитория –
не только на лекциях и семинарах, но и на конференциях.

Наши философские мероприятия собирали сотни
студентов.

Так было, в частности, потому, что среди нас
работал совершенно замечательный человек.

Блестящий знаток философии науки, физик по
образованию, доктор философских наук Илларионов
Сергей Владимирович.

К сожалению, его уже нет в живых.

По поводу проблем экзистенциальной философии
он говорил очень просто: «Герр Хайдеггер трепещет, а я
нет».

На этом полемика заканчивалась.

Это ведь было скорее из области художественного слова.

Если кто захочет читать Хайдеггера или слушать о нём – ради Бога.

Физикам было интереснее слушать о философии науки.

Тут мы выходим как раз на проблему предмета философии.

Приведу очень короткое, точное определение: философия — это искусство корректных обобщений.

Объект философии – это мир в целом, мир в его единстве.

Поэтому категории языка философии – это категории предельной степени общности.

Это делает ее особой формой знания и налагает особые обязательства.

Вопреки очень распространенному заблуждению, обыденной философии не существует.

Философия обыденности есть, но вот обыденная философия невозможна.

Философия — это в высшей степени сложная профессия.

Не смею называть себя философом.

Но я — преподаватель философии.

Я должен знать, что я преподаю.

Полагаю, что я преподаю все-таки не науку в строгом смысле этого термина.

Современная философия дала точное определение, что такое наука, научное знание.

Речь идет о том, что философия, в отличие от науки, не работает с фактами напрямую.

Добывать факты — это как раз задача науки.

А философия берет факты от науки.

Это, помимо прочего, наглядно демонстрирует ее теснейшую связь с наукой.

В современном мире философия и наука друг с другом связаны накрепко.

Не только наука нужна философии, но и философия нужна науке.

Философия дает первоначальные обобщения.

Есть очень хорошее выражение – объяснительный принцип.

Это некий метод, способ исследования, позволяющий дать первичные точные характеристики области исследования, определиться со своим к ней отношением.

На этом основании учёные ищут решение встающих задач, проблем.

А что касается загадок – загадки пускай тешат того, кому не на что тратить время.

Время — слишком дорогая вещь, чтобы заниматься тем, на что заведомо нет решения.

Гораздо интереснее заниматься тем, что решения не имеет только пока.

Поскольку, как я уже сказал, философия работает с категориями предельной общности – это прекрасно показано в «Науке логики» Гегеля, – философия дает то, что называется искусством мышления.

Оно нужно всем, но в особенности тем, кто работает с информацией.

Информация – понятие последнего времени.

Оно появилось гораздо позже, чем философия.

До этого оперировали категориями, лишенными такой определенности.

А вот теперь стало более-менее понятно, что такое человек как мыслящее существо – существо, работающее с информацией определенного рода.

Возьмём для сравнения тот же самый искусственный интеллект.

Он тоже работает с информацией, но с иной и иначе.

Но он от этого не становится человеком.

Хотя производит некие человекоподобные решения.

Это о том, почему наука нуждается в философии.

А почему философия нуждается в науке, я уже сказал.

Несколько слов о валюативной философии.

Не то, чтобы я возражал своему заведующему, хотя у нас это возможно.

Просто я иначе отношусь к этой проблеме.

Я считаю, что к ценностям нужно относиться как к вопросам, как уже было сказано академиком Лекторским.

Ты должен задавать себе вопрос: а что будет последствием твоего ценностного выбора?

Пусть даже он не был логически обоснован.

Хотя с этим тоже очень серьезное преувеличение.

Позволю себе маленькое отступление.

Макса Вебера, крупнейшего немецкого социального мыслителя и философа, очень часто «обличали» в том, что он запретил в науке ценностные приоритеты.

Но это не совсем так.

Его позиция такова: наука, решая свои задачи, не должна исходить из ценностных предпосылок.

И прежде всего речь шла о социологии.

Запрещая ценностные предпосылки, Вебер запрещал учёному исходить из своих ценностных предубеждений.

Но вместе с тем от ученых Вебер требовал высшей степени этической ответственности за истину.

Ученый, который не преследует цели истины – как, например, Дугин – а преследует какие-то другие цели – это уже не ученый.

Этический кодекс ученого – следование истине – налагает неотменяемые обязательства.

Это в первую очередь относится к социальной философии, преподаванием которой я занимаюсь.

Она отличается от социологии, ибо обращена к проблемам сугубо философским.

Совершенно согласен здесь с Кареном Хачиковичем: это действительно требует субстанциального подхода.

И начинать нужно с ответа на вопрос о том, что такое «сущность человека», «что человек представляет собой сам по себе?».

Известно, что вопрос о сущности позитивисты от философии пытались некогда запретить как некорректный.

Но от ответа на этот вопрос зависит очень многое.

Несколько перефразируя вопрос Канта, можно сказать: «Как возможен человек в этом мире?»

Или, используя более строгую Марксову интерпретацию:

– «Как человек может воспроизводить свое существование в мире?»

– «Чем он отличается от других видов жизни, которые тоже целенаправленно поддерживают свое существование?»

– «Как эти отличия сказываются на его поведении?»

Это ведь как раз обо всём том, что делает человека человеком.

И это те вопросы, с которых начинается социальная философия.

В этом плане вернёмся к уже затронутой теме.

Ценности — это серьезнейшие мотиваторы человека, они действительно определяют характер его действий.

Но одно дело, если речь об отдельно взятом индивиде.

А если это человек, облеченный политической властью?

Вдумайтесь, что такое власть.

Есть очень четкое определение Вебера: власть – это присвоение чужой воли.

Вам как с присвоением чужой воли, хорошо?

Простите, возможно, затрону личные мотивы.

Что делают банкиры, когда оперируют деньгами своих вкладчиков?

Они им доверяют? Да.

Вкладчики им доверяют? Да.

Но ведь они их волей распоряжаются – пусть и не всегда напрямую, – потому, что решают судьбу их денег.

Это к вопросу об ответственности.

А какой вопрос об ответственности без философии?

С глубокой грустью вспоминаю о своих годах на Физтехе – из-за благодарнейшей аудитории.

Сейчас, надо признать, на философском факультете такие студенты бывают редко.

Это, наверное, не только их вина, но и моя.

Но вместе с тем это еще и вина современной цифровой культуры.

Я задаю себе вопрос: как это мы раньше жили без сотовых телефонов?

Студенты на лекциях с ними не расстаются.

Что же говорить про экзамены?

Но это же катастрофа.

Об этом уже было сказано.

Мы должны учить искусству мыслить.

Должны учить искусству корректных обобщений.

Корректных, значит, требующих соблюдения каких-то правил.

Вот вам предмет философии.

Вновь о том, что касается соотношения философии рефлексивной и валлоативной.

У меня это различие всегда вызывало вопрос.

Я его не раз задавал Карену Хачиковичу: почему тогда нужно одним словом называть разные вещи?

То, что имеет совсем разные предметы, но что обладает авторитетом, иногда весьма серьезным.

Давайте вспомним: в не совсем давние времена имя философии было очень сильно скомпрометировано.

Это было что-то типа — во Христа веруешь?

А ты диалектический материалист?

Если нет, то поди прочь.

У нас есть печальный опыт Лысенко: он ссылался на «правильную философию» – философию, которая в действительности философией не была.

Вот и Дугин — та же лысенковщина.

Всеми этими проблемами мы занимаемся, в этих вопросах лежит наша ответственность.

Потому что, если не мы, то кто?

Это вопрос, который нужно себе задавать.

Надо к студентам относиться со всей ответственностью.

Это в высшей степени творческая работа.

Конечно, она не будет давать никакого результата без увлечения.

Такого увлечения, которое иногда доводило, по рассказу моего заведующего, до драк.

Спасибо вам.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Вы сейчас говорили о своих отношениях со студентами Физтеха.

Я вспомнил своего преподавателя философии с вашего факультета на физфаке в МГУ – Никонова.

Кржевов В.С.: Я его знал.

Тосунян Г.А.: Удивительный был человек.

Я недавно узнал, что он, оказывается, уже скончался.

Я хотел его найти.

Когда он читал лекции, аудитория была сверхпереполнена.

Приходили студенты с других факультетов.

Это удивительно.

Кржевов В.С.: Он был высокого ума человек.

Тосунян Г.А.: Ему доброй памяти.

С удовольствием вспоминаю и его, и других преподавателей.

Карен Хачикович, пожалуйста.

проф. МОМДЖЯН К.Х. – к. филос. н. КРЖЕВОВ В.С. –
проф. МЕДВЕДЕВ П.А.

Момджян К.Х.: Владимир Сергеевич, я решительным образом не понимаю.

Вы различаете философию и науку на том основании, что наука опирается на факты, а философия на факты не опирается.

Математика в этом случае – не наука? Разве она опирается на факты?

Кржевов В.С.: Карен Хачикович, Вы, как всегда, меня неправильно поняли.

Я сказал, что философия не добывает факты.

Момджян К.Х.: А математика добывает факты?

Кржевов В.С.: Резонный вопрос.

Пожалуй, должен буду согласиться с этим единственным, наверное, исключением.

В этом смысле математика ближе к философии.

Момджян К.Х.: Совершенно искусственное различение.

Кржевов В.С.: Это – ответ специалиста.

Я не берусь судить.

Медведев П.А.: Математика, конечно же, добывает факты, когда формулируются гипотезы.

Есть такая задача – задача близнецов.

Близнецы – это простые числа, которые отличаются на 2: 5-7; 11-13; 17-19 и так далее.

Чем дальше, тем близнецы встречаются реже.

Вопрос: близнецы когда-нибудь кончаются или не кончаются никогда? Близнецов конечное число или их бесконечно много?

Факты собираются уже несколько сот лет.

Математики пытаются найти ответ на поставленный выше вопрос, именно наблюдая числовой ряд, собирая факты.

Кржевов В.С.: В этом смысле тогда история философии — тоже наука.

Потому что она, как особая философская дисциплина, занимается собиранием фактов в области истории мысли.

Я тогда должен и в этом плане внести уточнение.

Тосунян Г.А.: Кто-то историю исключает?

Медведев П.А.: Математика – наука не за это, не за склонность к собиранию фактов.

Кржевов В.С.: Нет. Я философию определяю, не математику.

Медведев П.А.: Фрэнсис Бэкон объяснил, что такое наука, что такое не наука.

А Фейнман объяснил, что быть не наукой совсем не обидно.

Тосунян Г.А.: Хорошо.

Коллега Нестеров, пожалуйста.

д. филос. н. НЕСТЕРОВ А.Ю. – к. филос. н. КРЖЕВОВ В.С.

Нестеров А.Ю.: Уважаемый Владимир Сергеевич, уважаемый Карен Хачикович, спасибо огромное.

Вас приятно слушать.

Как будто я снова на семинаре у Роберта Израилевича Таллера, ныне покойного.

У меня провокационный вопрос.

Вы определяете науку, определяете философию, тем не менее не через науку, а через технику, говоря слово «искусство».

Как, с Вашей точки зрения, соотносится наука – скажем, в смысле Венского кружка – и техника – в смысле Петра Климентьевича Энгельмейера?

Что является первичным?

Наука перед техникой или техника перед наукой?

Это провокация.

Спасибо.

Кржевов В.С.: Вопрос не из легких.

Давайте сразу уточним понятие «искусство».

Это всё-таки нечто более широкое.

Более широкое чем то, что мы обычно понимаем под понятием искусства как художества.

Это какое-то умение, мастерство.

Это синонимы.

Что касается первичности.

Есть совершенно замечательная философская концепция Маркса, я являюсь ее последователем.

Он говорил: человек по своей сути существо не мыслящее, а прежде всего предметно-действующее.

Существо, практически живущее в этом мире.

Первый вопрос, который человек должен себе задать: а как он возможен в этом мире?

Я повторяю кантовский вопрос: что он для этого необходимо должен делать?

Но это понятие долга не этического.

Это прежде всего понятие некой инструментальной, технологической вооруженности.

Потому что человек — существо орудийно действующее, мыслящее и социально организованное.

И это налагает на него определенные обязательства.

И уже потом все формы мысли, что мы знаем: этика, искусство и все прочее — это все способы удовлетворения информационного голода, информационной нужды.

А философия каждый раз этот голод возобновляет.

Она каждый раз делает его новым.

Она каждый раз говорит человеку: не надейся, ешь дальше.

ДИСКУССИЯ

акад. ТОСУНЯН Г.А. – акад. ЛЕКТОРСКИЙ В.А.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Если вопросов нет, переходим к обсуждению.

Но прежде хочу задать вопрос.

Владислав Александрович, однажды герой новеллы Кафки «Превращение» Грегор Замза проснулся и обнаружил, что превратился в огромное насекомое.

Кафка – философ?

Кстати, это одно из тех произведений, которые я стараюсь не вспоминать.

Я его читал, будучи студентом.

Второй раз читать его не хочу.

Но я его запомнил на всю жизнь.

Кафка относится к категории философов, с Вашей точки зрения?

Лекторский В.А.: У Кафки много произведений, которые имеют большой философский смысл.

Это настоящий философ.

У него каждый рассказ — это решение какой-то философской загадки.

Он дает какое-то решение.

Иногда он нас озадачивает.

То, что нам казалось понятным, вдруг оказывается очень сложным.

Из российских философствующих писателей могу назвать Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого.

Когда на Западе издают хрестоматии по экзистенциализму, первыми из авторов помещают туда Кьеркегора и Достоевского.

А потом — всех остальных.

Все экзистенциалисты в XX веке постоянно ссылались на Достоевского.

Когда Достоевский был на каторге, он просил принести ему книги Канта.

Он изучал Канта.

Понять «Братьев Карамазовых», не зная, что он изучал Канта, сложно.

А рассказ Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича» до сих пор обсуждается в мировой философии.

Есть такой замечательный философствующий писатель – Томас Манн.

Жан-Поль Сартр был одновременно философ и писателем.

Он получил Нобелевскую премию по литературе, будучи философом.

По философии, как известно, не дают Нобелевские премии.

Камю, другой лауреат Нобелевской премии, был известным философом и писателем.

У аргентинца Борхеса каждая новелла – обсуждение сложнейших философских проблем.

Наши фантасты братья Стругацкие поднимают множество острых философских сюжетов.

Станислав Лем – тоже пример писателя, который постоянно обсуждал философские проблемы (он хорошо знал философию).

Такое сочетание философии и литературы не редкость.

Ведь философия пытается ответить на вопрос: «Что такое человек?».

А литература с этим вопросом постоянно имеет дело.

Тосунян Г.А.: А Леонид Андреев?

Лекторский В.А.: Леонид Андреев тоже философствовал.

Был у него сын Даниил, который был мистиком и считал себя философом.

Тосунян Г.А.: О нём я не знаю.

Лекторский В.А.: В русской литературе был довольно сильный философский крен.

В свою очередь многие русские философы писали о литературе.

И довольно интересно.

Скажем, философ Лев Шестов.

У него есть интересные книги о Чехове, Толстом, Достоевском.

Тосунян Г.А.: Геннадий Петрович Аксенов, пожалуйста.

АКСЕНОВ Г.П.

к. г. н., ведущий научный сотрудник отдела истории наук о Земле Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН

Я снова о Вернадском.

Его взаимоотношения с философией оказались очень сложными.

Он очень долго считал, что существует примат философии над наукой.

Но в советское время его труды о биосфере неизменно отвергались.

Статьи печатались с сопровождением уведомления от РИСО Академии, в котором его выводы назывались философскими, хотя на самом деле это было не так.

Его обвиняли в идеализме, витализме, мистицизме и в насаждении религии.

Так нарочито возникла известная с античности ситуация сфинкса: ответить или погибнуть.

Если идешь против советской официальной философии, можешь оказаться на лесоповале или еще хуже.

Тогда Вернадский пересмотрел свои отношения с философией и пришел к выводу, что философия обязана осваивать новые научные факты.

Должна формироваться философия как бы натуральная, о которой докладчики здесь говорили.

Но каким должен быть язык такой философии?

По сути дела, ее понятия должны исходить из научной эпистемологии.

В связи с такой задачей он поставил цель реформирования научных понятий и составленной из них научной логики.

При изучении истоков научной эпистемологии он обнаружил, что логика употребляемых в науке понятий все еще основывается на Аристотеле.

Она царила в европейской философии с XII по XVIII век.

Из трудов американского философа и логика Чарльза Пирса он уяснил, что в формировании научных понятий используют всего 8 источников.

Но среди них нет результатов лабораторных исследований и натуральных наблюдений, проделанных за века развития науки.

Между тем произошла научная революция XVII века, а в начале XX века состоялась еще одна.

Вот почему после этих двух революций аристотелевская логика уже не отвечает реальности, говорит Вернадский.

Это логика нашего мышления, существующего вне времени и пространства.

Новую логику, соответствующую научной практике, следует назвать логикой Демокрита, который обратил внимание философов на атомы как объективно существующие в природе феномены.

Следовательно, это логика естественных тел и процессов.

Они существуют в пространстве и времени.

Вернадский внес огромный вклад в решение проблемы перехода от логики слов к логике естественных тел.

Он обосновал понятия времени и пространства в качестве естественных процессов и явлений, источником которых служат живые тела.

До него в науке, в самых строгих ее отделах, время считалось независимой переменной неопределенного происхождения.

Таким образом, конкретный вклад Вернадского в научную революцию XX века заключается в исследовании атомов в составе живых организмов.

Новые науки, которые он основал, такие как биогеохимия и концепция биосферы, имеют в своем фундаменте разработанные им понятия о биологическом времени и пространстве.

Он разрешил извечную загадку жизни и показал геологическое значение биосферы.

И совершенно логично ученый перешел к представлению о разуме как о природном явлении, которое готовилось в результате эволюции живых существ в течение миллионов лет.

Сейчас мы знаем эту его новую науку как учение о ноосфере.

Вернадский считал, что от философии, основанной на логике понятий-слов Аристотеля, необходимо перейти к понятиям-вещам Демокрита.

Соответственно, в философской гносеологии мы должны учитывать научную эпистемологию.

В философской гносеологии существуют понятия, суждения и умозаключения, а в научной эпистемологии, считал он, следующая за понятиями-вещами категория – эмпирическое обобщение.

Оно формируется в течение многих лет, иногда даже веков, в результате исследования естественных тел.

А это исследование всегда не закончено, изучение тел не останавливается.

Наука непрерывно устаревает и развивается.

Почти в каждой работе его последнего десятилетия Вернадский углублялся в тему научных понятий и эмпирических обобщений.

Наиболее важной для данной проблемы остается его большая статья «О логике естествознания».

Она опубликована недавно в книге «Вернадский В.И. Начало и вечность жизни»¹.

Книга издана Комиссией РАН по изучению научного наследия выдающихся ученых.

Считаю, что философы должны обратить на неё внимание.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Слово Олегу Ефремову, МГУ.

¹ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни: статьи / сост. Г.П. Аксенов. – М.: «Гаудеамус», 2023. – 507 с.

ЕФРЕМОВ О.А.

к. филос. н., доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

Кратко обращусь к спору доцентов.

Первый, доцент-валюативист – это мой первый научный руководитель студенческих времен – Владимир Станиславович Валуев.

Второй доцент – участник спора – сциентист, один из сегодняшних докладчиков, Владимир Сергеевич Кржевов, мой второй научный руководитель.

А Карен Хачикович Момджян – не только мой непосредственный начальник в университете, но и руководитель моей диссертации, большой авторитет для меня.

И каждый из этих уважаемых людей представляет свой взгляд на философию.

Передо мной, как и перед моими коллегами, стояла задача определиться с собственным взглядом на природу философии.

Это задача нетривиальная.

Как преподаватель философии, я должен уделять очень много времени определению того, что есть философия.

Особенно когда работаю с философами.

Что представляет собой философия?

На мой взгляд, есть ключевой термин для ее определения.

Это мировоззрение.

Первое «грубое» определение философии может звучать так: философия – это мировоззренческое знание.

Мировоззрение – это определенная картина мира, совокупность представлений о мире и о месте в нем человека.

Оно включает также ценности, идеалы, убеждения, основанные на этой картине мира и способные быть ориентирами деятельности человека.

Что делает философия?

Философия – это систематизация или концептуализация мировоззрения.

Превращение совокупности представлений в систему знаний.

И это можно считать ее вторым, более точным определением, конкретизирующим первое.

Но существуют различные типы мировоззрений:

- религиозное,
- мифологическое,
- научное,
- другие.

И каждое из них не только создает разные картины мира, подлежащие систематизации, но и разные принципы систематизации.

При относительно общем проблемном поле.

Это всегда и специфика постановки проблем.

Это всегда и иерархия проблем.

Может быть, самое существенное – это всегда специфика аргументации.

Владислав Александрович совершенно прав.

Философия аргументирует.

Как она может аргументировать?

В религиозном мировоззрении, например, аргументация очень существенно отличается от аргументации в научной сфере.

То, что принято в одном, не принимается в другом.

Несмотря на сходство проблематики.

Сходство проблематики задает единство философии, но решения и способы обоснования этих решений будут совершенно различными.

Научное — это всего лишь одна из форм мировоззрения.

Когда наука начала развиваться, она стала претендовать на статус формирования целостного мировоззрения.

Значит, на статус философии.

Но также стало очевидно.

Первое.

Если мы признаем философию наукой, мы вынуждены будем выбросить из философии подавляющее большинство философов.

Тех, кого мы считаем великими философами, ибо «кастинг» на строгую научность они не пройдут.

Второе.

Мы должны будем выбросить ряд значимой проблематики.

Проблематики, без которой философия теряет смысл.

Проблематики, без которой философия не может выполнять свои функции.

Прежде всего экзистенциальную проблематику.

Например, проблематику смысла жизни, любви и прочего.

Человек, придерживающийся научного мировоззрения, может об этом рассуждать.

Но он не может рассуждать об этом научно.

Он должен понимать: если он рассуждает как философ, даже ориентируясь на науку, в данном случае он выходит за пределы науки.

Переходит на те же валюативные позиции.

Позиции, которые с точки зрения науки не выдерживают соответствия критериям.

Позиция Карена Хачиковича о различении валюативной и рефлексивной философии, конечно, очень хороша.

Но это некая вариация концепции «двух истин».

В данном случае это некий переходный период.

Здесь просто надо признать.

Философская проблематика выходит за пределы того, что по силам науке.

Ибо мировоззренческая проблематика гораздо шире.

Она включает в себя ценностно-экзистенциальные и прочие аспекты.

Что происходит сегодня?

У нас нет, к сожалению, одного, бесспорно господствующего мировоззрения.

Нет всеми принятого мировоззрения.

Раньше это было по-другому.

В рамках общества мировоззрение было более-менее одинаково.

Сегодня мы сталкиваемся с мировоззренческим хаосом.

Есть ли критерии выбора между типами мировоззрений, а следовательно, принцип предпочтительности того или иного способа философствования?

На самом деле мировоззрение должно выполнять адаптивные функции.

Это к вопросу и о личной философии.

Мировоззрение должно ориентировать человека.

Ориентировать на некие эффективные формы деятельности.

Формы, позволяющие там и тогда, где и когда он живет, удовлетворить все свои потребности.

Так осуществлялся выбор мировоззрений.

Такое мировоззрение поддерживалось сообществом.

Сегодня существует определенный хаос.

Наверное, ни одно мировоззрение не является в полной мере удовлетворительным.

Интересный факт.

Многие ученые доказывали совместимость науки и веры в Бога.

Это попытка удовлетворения неких экзистенциальных потребностей.

Потребностей, не покрываемых наукой.

И научным взглядом на мир, которого они придерживались.

Постмодернизм — это просто констатация мировоззренческого хаоса.

Это не решение.

Можно поискать аналоги в истории: например, софистика — отчасти такой же аналог.

Выход должен быть другим.

Владислав Александрович совершенно справедливо говорил об этом.

Мы живем в другую эпоху – цифровую.

Это радикально меняет подавляющее большинство философских понятий.

Это заставляет искать новое решение проблем.

Именно особенности эпохи могут быть основанием преодоления хаоса и выработки некоего варианта философии, адекватного эпохе.

Проблемы философии вечны.

Вечны именно потому, что они мировоззренческие.

Каждое мировоззрение будет предлагать свое решение.

Сегодня, видимо, перед философией стоит задача некоего синтеза.

Синтеза, соответствующего цифровой эпохе.

Есть ли в этом потребность?

Безусловно.

Сегодня философия должна быть максимально близка к человеку.

Я очень часто выступаю по телевидению.

И общаюсь с нефилософской аудиторией в своей педагогической практике.

Очень большой запрос именно на философскую проблематику.

Я всегда объясняю: философия — это попытка более профессионально говорить о мировоззренческих проблемах.

О проблемах, которые вас волнуют.

Философия повседневности — это одна из важнейших задач, стоящих перед философским сообществом.

Мы сегодня действительно должны пытаться философски осмыслить нынешнюю ситуацию.

Должны помочь людям сориентироваться в этой ситуации.

Это и есть главная задача философского синтеза, о котором я говорю.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Академик Смирнов Андрей Вадимович, пожалуйста.

Руководитель нашей секции в ООН РАН.

СМИРНОВ А.В.

акад. РАН, врио первого заместителя директора
по научной работе Института философии РАН,
президент Российского философского общества

Спасибо большое, Гарегин Ашотович.

Очень интересное у нас обсуждение.

Благодарю всех докладчиков за ясное изложение
своей позиции.

К некоторым тезисам вернусь.

Но сначала — небольшие замечания.

Владислав Александрович сказал с отсылкой ко
мне, что мы не понимаем, как мыслит арабо-
мусульманская культура.

Это не моя позиция.

Если бы мы не понимали, то я не мог бы говорить
то, что я говорю.

Ведь я претендую на то, что я понимаю, как она
мыслит.

Дело не просто в том, что мы не понимаем.

Мы не понимаем, потому что не знаем, как устрое-
но мышление этой культуры.

Если узнать, то мы будем все прекрасно понимать.

Проблема в том, чтобы узнать.

Есть определенный барьер, и сегодня он очень ясно
выявился.

Кто-то сказал, что есть два типа философии.

Одна делает ясное неясным, а другая — неясное
ясным, и лучше первая.

А наука разве не делает ясное неясным?

Разве не ясно каждому здравомыслящему человеку, что Солнце крутится вокруг Земли и что Земля плоская?

Или что камни не могут падать с неба?

Это всем было ясно на протяжении веков!

А потом вдруг стало неясным.

И таких примеров много.

Поэтому я был бы осторожнее с этим пафосом ясности.

То, что кажется ясным, часто не является ясным на самом деле.

Все развитие европейской философии связано с сократовским «Я знаю, что ничего не знаю».

У нас получилось два разных заголовка.

Тема заседания сформулирована так: «Наука ли философия?»

В то же время название нашего заседания немного другое: «Философия в современном мире».

Я про то и про другое немного скажу.

Наука ли философия?

С моей точки зрения, не так уж сложно дать ответ на этот вопрос.

Не то, чтобы окончательный, но по крайней мере ясный.

Любая наука работает с тем или иным сегментом мира – сегментом, для которого задается определенная онтология.

Физика работает с физическими объектами.

Химия — с химическими.

Математика — с математическими...

Но это все сегменты мира.

Это никогда не целый мир.

Это первое.

Второе.

Никакая наука не задумывается о своих основаниях.

Почему именно это является физическим объектом?

Если задумывается, то она уже начинает заниматься философией: философией математики, философией физики и так далее.

В чем отличие философии от науки?

Во-первых, она работает не с сегментом мира.

Она работает с целым миром.

Во-вторых, она работает с его предельными основаниями.

Здесь — ясное различие науки и философии.

Мы живем в сциентистском мире, в сциентистском обществе, где это еще и ценностное различие.

«Научное» – значит «хорошее, достойное», а не быть «научным» – значит не быть ценным.

Думаю, что от этого надо отказаться.

Что касается названия нашего заседания «Философия в современном мире».

Мне в этом названии не хватает предиката.

Какая именно философия?

«Современная» философия в современном мире?

Или «европейская» философия в современном мире?

Об этом Лора Турарбековна говорила.

Речь у нас шла исключительно о европейской философии, об историческом ее бытовании, о современном ее бытовании.

Но ни о какой другой мы не говорили.

Главный вопрос для нововременной философии, европейской философии сегодня встает с новой силой – вопрос о природе человеческого сознания.

Он возникает в связи с развитием искусственного интеллекта, когда нам надо отвечать на вопрос:

«Имитация машинной речевой деятельности человека свидетельствует о наличии у машины сознания или самосознания?»

Такие странные вопросы задаются с претензией на то, что можно ответить «да».

Если машина имитирует речевую деятельность так, что мы не отличим её, то она вроде уже и человек, она вроде уже обладает сознанием.

У меня вопрос относительно природы человеческого сознания.

Может ли современная философия заниматься чем-либо (этикой, эстетикой, онтологией, но самое главное – человеческим сознанием), не учитывая опыт неевропейской части человечества?

Может или нет?

Мы, конечно, можем сказать: он нам не интересен, у нас есть Европа и она для нас является исчерпывающей.

Фактически Карен Хачикович, отвечая на вопрос Лоры Турарбековны, так и сказал.

Он, конечно, не так сформулировал, но смысл был именно такой.

Что просто по определению рефлексивная философия одна.

А валюативная — разная.

Наука у нас одна, а это все разное: ценности, мировоззрение и прочее.

Но это не так.

Философия в рамках арабо-мусульманской большой культуры не является европейской.

Ни по набору базовых категорий, ни по базовой логике.

Сегодня не раз звучало слово «субстанция».

Что в Европе выступает как метафизика субстанции со всеми вытекающими, включая сегодняшний дискурс с докладчиком – в арабо-мусульманской культуре этого не было.

Вместо этого была метафизика действия, чего вообще нет в европейской мысли.

И не может быть в принципе.

Говоря коротко, метафизика действия построена на том, что действие, а не субстанция, берётся как «что», как базовая реальность.

Это не просто единичный факт.

Это связано со всем комплексом проблем:

- мировоззренческих,
- языковых,
- научных,
- теоретических,
- логических и так далее.

Вся морфология культуры так построена.
И морфология мысли и науки.

Мутазилиты — первые арабские философы, они как раз и создали метафизику действия, во всяком случае, заложили её основу.

Сегодня физики, которые знают о философии мутазилитов, говорят: для объяснения сегодняшней квантовой механики эта философия подходит гораздо лучше, чем европейская.

Про тезис об универсальности науки.

Я бы тоже был осторожен с этим.

Это ничуть не умаляет достоинства докладчиков, они все прекрасно говорили.

Только нужно добавить один предикат.

Они говорили о европейской философии в современном мире.

Кроме этого есть еще другие философии.

Есть то, что было создано в традиции Китая.

То, что было создано в дальневосточной большой культуре.

Это огромная цивилизация, многотысячелетняя.

Индийская или Южно-Азиатская.

Это огромный регион, регион со своей логикой, со своей философией.

Со своим набором философских категорий.

Арабо-мусульманская – тоже.

Что касается преподавания философии.

Здесь и есть этот барьер.

Мы знаем только европейскую философию.

Мы ограничены этим кругом базовых категорий.

Возьмем бытие.

О чем бы мы ни говорили, мы говорим о бытии.

А что вы будете делать в арабо-мусульманской философии?

Где нет греческого «бытия», где есть «утверждённость» и «нахождение» как действие.

Или в китайской классической философии.

А там что, нет философии?

Вы можете, конечно, сказать: это не философия, это нам не интересно.

Но такая позиция будет немножко солипсистской.

Она просто будет игнорировать факты.

Она будет игнорировать эмпирию.

Сейчас уже достаточно исследований, которые хорошо показали на материале этих больших традиций: там была своя философия.

Со своей категориальной системой.

Со своей логикой.

Со своими проблемами.

Со своим развитием.

Преподавание философии у нас строится так, как будто мы еще в XIX веке.

Кроме европейской, других традиций нет.

Да и русской тоже нет.

Потому что русская философия сведена только к истории философии.

А не к философии как таковой.

Это целый комплекс проблем.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Андрей Вадимович.

Слово руководителю Федерального исследовательского социологического центра, члену Академии наук Михаилу Федоровичу Чернышу.

ЧЕРНЫШ М.Ф.

чл.-корр. РАН, д. социол. н., профессор, директор
Федерального исследовательского социологического
центра РАН

Уважаемые коллеги, спасибо за очень содержательные доклады.

Из того, что сказано, следует интересный вывод.
Философия имманентна любому виду деятельности.
Особенно деятельности познавательной.

Вернер Гейзенберг, когда он наконец соединил математические формулы в единую систему – это было в 3 часа утра на острове Гельголанд, – был настолько вдохновлен своим открытием, что долго не мог прийти в себя.

Он понял, что произведенные им квантовые вычисления – это не просто физика, а картина мироздания, музыка Вселенной.

Он посчитал, что открыл для себя творение и за завесой цифр увидел Творца.

И это подвигло его на новые размышления о том, как устроен мир и как следует двигаться, чтобы проникнуть в его тайны.

Он не мог спать и отправился на берег моря.

Слушая прибой, он встретил рассвет.

Был ли он только физиком в эти моменты жизни?

Нет, он был философом, готовым размышлять о самых общих вопросах бытия.

Из физиков не только он считал необходимым вписать свои идеи в общий нарратив.

Другие тоже тяготели к рефлексии, к тому, чтобы выйти за рамки сугубо технических представлений.

Мы знаем, что Ньютон был философом и мистиком.
Именно ему принадлежит идея первотолчка, объясняющая и Творение, и агентность человека в мире.

Эйнштейн в споре с Бором апеллировал не к математике, не к эксперименту, а к актам воления, которые либо могли, либо не могли присутствовать в мире.

Играет ли Бог в кости?

Мы знаем и то, что философия является имманентной частью подлинно великих, настоящих литературных произведений.

Владислав Александрович упомянул Толстого.

У него в «Войне и мире» есть своя философия, есть свое понимание истории, довольно стройная концепция.

И конечно, философом был Достоевский.

Взять хотя бы «Легенду о великом инквизиторе».

Ведь это философия, открывшая новую страницу в рефлексии об обществе.

Поэзия тоже проникнута философией.

В свое время писатель Солоухин решил «разъять» величие алгебры.

Как получаются великие стихи, которые остаются в памяти поколений?

Он пришел к выводу: это стихотворения, в которых из частных производятся общие.

Если бы Пастернак писал только о том, что идет снег, то это была бы картина природы.

Но в его стихотворении снегопад уподобляется времени, его неумолимому шествию и трансформации в действие и его плоды.

Если говорить о науке, то изъять из неё философию невозможно.

Наука вышла из философии, из необходимости понять мир, его порядок и место человека в нём.

Философия помогает отодвинуться от частных и увидеть то, как эта частность входит в общую конструкцию, в общий порядок.

Дискутировать о том, нужна философия или не нужна, бессмысленно.

Ею проникнута вся наша жизнь.

Но, конечно, есть еще и самостоятельная дисциплина как способ осмысления мира, его познания.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Михаил Федорович.

Пожалуйста, Владимир Николаевич Шевченко, доктор философии.

ШЕВЧЕНКО В.Н.

д. филос. н., главный научный сотрудник
Института философии РАН

Спасибо большое за возможность участвовать в дискуссии.

Хотел бы сказать несколько слов об особенностях взаимодействия философии и общества.

Вкратце остановлюсь на двух важных аспектах этого вопроса.

С одной стороны, это есть отношение власти к философии, с другой – философии к власти.

Они «обречены» на растущее, все более сложное и разностороннее взаимодействие в современную эпоху.

Каковы причины особого интереса власти к философии, и почему в свою очередь философия тяготеет к власти, ищет возможности установления с ней самых разных контактов?

Но прежде всего следует выяснить, что представляет собой современная философия, какое свое общественное предназначение она может конкретно предъявить обществу.

Этому вопросу, к сожалению, уделяется явно недостаточно внимания.

Философия многослойна.

Она имеет, по крайней мере, три главных ипостаси – иначе говоря, три формы ее проявления в общественной жизни.

Прежде всего, это, конечно, академическая философия.

Она живет по своим собственным законам и приоритетам.

В частности, в центре внимания философов, занятых социальными вопросами, во все времена находилась проблематика будущего.

Любая общественная система оказывается для философа далекой от совершенства.

Потому долгие годы он трудится над созданием идеального образа общественного строя или, скажем по-другому, проекта более совершенного устройства общества.

Исследования на академическом уровне всегда приводят к созданию самых различных философских систем.

Значительная часть академических философов предпочитает не отвлекаться на общественные запросы, продолжая следовать своим собственным устремлениям и целям.

Власть любого государства озабочена проблемами сохранения его целостности и безопасности.

Она ориентирована на повышение эффективности управления общественными отношениями, и, конечно же, выработкой достижимых стратегических целей.

Поэтому власть в поисках решений обращается к общественной мысли, в первую очередь, к философии.

Интерес к ней власти носит в целом практический или утилитарный характер.

Однако очень часто эта утилитарность оценивается философами, общественным сознанием негативно, именно как намеренное покушение каждый раз на академические свободы ученых.

Но ведь речь идет о совершенно конкретных задачах, важных для всего общества, которые власть намерена решать с помощью философии.

Проектов будущего устройства общества в современной философии, а тем более во всей истории философии, насчитывается великое количество.

Но нет ничего опаснее для власти, если из многообразия представленных в академической философии образов будущего выбирается тот образ, который ее больше всего привлекает.

Такой выбор, как показывает история нашей страны, как и других стран, приводит к большим издержкам.

В чем новизна и своеобразие сегодняшнего запроса со стороны власти?

Россия возвращается «к себе», на свой национальный цивилизационный путь развития.

Каким может быть новый цивилизационный проект для страны, обращенный в будущее?

Со стороны кажется, что на этот вопрос уже сегодня вполне может дать ответ профессиональная академическая философия.

Но сколько-нибудь готового ответа вы в ней не найдете.

Многообразие философских взглядов в рамках академической свободы со временем не уменьшается, а растет.

И автор каждой новой философской системы искренне убежден, что его теория лучше и полнее других отвечает на ведущиеся в обществе поиски правильных путей в будущее.

И потому многие из них стараются привлечь внимание власти к своим работам, заинтересовать её.

Как же правильно соединить сегодняшний запрос власти и самые различные предложения, идущие от ученых академического толка?

Мне представляется, что здесь должна прийти на помощь философия в иной ипостаси, которая открыто демонстрирует свое общественное предназначение служить решению насущных социальных проблем общества.

Сегодня все более ясно ощущается потребность в ином типе философствования, имеющем конкретную прикладную направленность.

Когда философ выступает в виде некоего соединительного звена, точнее говоря, посредника, знающего не только состояние академических исследований, но и хорошо представляющего себе суть властного, политического запроса.

А запрос этот очень сложный.

В нашем случае суть его содержания состоит сегодня в том, что философия должна ясно и отчетливо сформулировать основные характеристики цивилизационного проекта российской цивилизации.

С тем, чтобы государственная власть могла их принять и приступить к разработке эффективной стратегии развития страны на длительную историческую перспективу.

Важно иметь в виду, что речь идет, конечно, не о разработке практических вопросов политики или государственной идеологии.

Здесь и возникает вопрос.

Смогла ли российская социальная философия во всем своем бытии осмыслить к сегодняшнему дню глубинные основы российской цивилизации, особен-

ности ее исторического становления во взаимодействии в течение последних столетий внутренних и внешних факторов развития?

Мне кажется, что эта задача пока далека от своего выполнения.

Российской философии еще только предстоит подняться до понимания отечественных начал цивилизационного строительства.

Показать актуальность и сделать востребованным историко-философское наследие по цивилизационной проблематике.

И прежде всего показать глубокий смысл растущей актуальности идей Н.Я. Данилевского, избавиться от рецидивов поиска решений в западных теориях.

Мне представляется, что Институт философии в ходе разработки российского проекта цивилизационного развития сделал первую часть этой грандиозной задачи.

Плоды его труда собраны в трехтомнике, который недавно издан и доступен широкому кругу исследователей и читателей.

В нем собраны воедино наиболее важные с философской точки зрения взгляды на природу и своеобразие российской цивилизации.

Думаю, он привлечет внимание широких кругов, прежде всего, научной общественности.

Многообразие представленных в этом трехтомнике точек зрения требует, однако, дальнейшего энергичного поиска объединительной позиции.

И это тесно связано с философским осмыслением не просто самого общественного и властного запроса, но и всей основательности происходящего ныне переустройства мирового порядка.

Есть еще одна ипостась философской деятельности, еще одно проявление философии в общественной жизни.

Всем присутствующим, наверное, знакома сегодняшняя ситуация, когда термин «философия» встречается на каждом шагу в повседневной жизни.

Это философия отдыха, философия мебели, философия обуви, философия секса, философия игрушки и т.д.

Обладание автомобилем Ягуар — это особая культура, это особая философия.

Книга А. Шардаковой «Философия питания» пользуется большим спросом у населения.

Уместно напомнить о тех любопытных мыслях, которые высказал еще в 30-е г. XIX века британский писатель, историк и философ британского происхождения Томас Карлейль в философском романе «Сартор Резартус»:

«При должном рассмотрении оказывается, что уже в Одежде содержатся все мысли, мечтания, деяния и состояния человека, то есть весь внешний Мир и все его содержание — это лишь Одежда, а суть всех Наук лежит в Философии Одежды».

Вот еще одна философия — моды и одежды.

Подобных примеров можно найти немало.

Все они так или иначе связаны со смыслами человеческого существования в современном мире.

Если суммировать все эти примеры, то нетрудно представить, какой сложный и противоречивый образ современного человека складывается в результате его попыток внести философию в повседневную жизнь.

Мне кажется, что таким образом различные слои общества, сам человек, каждый по-своему, пытается че-

рез осмысление повседневных практик и конкретных действий противостоять дегуманизации, потере смысла своего существования в хаосе сегодняшней жизни.

Полностью согласен с выступавшим ранее О.А. Ефремовым, который говорил о том, что философия повседневности — это одна из важнейших задач сегодня, решение которой будет способствовать более глубокому пониманию огромной ответственности философии перед человеком и всем человечеством в современную эпоху радикальных перемен.

К.Х. Момджян, будучи председателем диссовета на философском факультете МГУ, сказал однажды на защите диссертации, что социальная философия вправе заниматься любым общественным явлением — может быть, самым незначительным с точки зрения иных теоретиков.

И правильно поставленная задача может привести здесь к созданию оригинального диссертационного исследования.

Мы видим, что философия сегодня глубоко проникла в повседневную жизнь, обнаруживая в ней различные смыслы и цели.

К сожалению, академическая философия если и делает вторжения в сферу повседневности, то все они ограничиваются пока отдельными эпизодами.

Спасибо большое.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Владимир Николаевич.
Михаил Мокий, пожалуйста.

МОКИЙ М.С.
д. э. н., профессор

Большое спасибо докладчикам за прекрасные доклады.

Это — интеллектуальное пиршество.

Однако. Не совсем понял из выступлений уважаемых докладчиков.

Если мы говорим о взаимодействии современности и философии и если философия — это наука, то задача философии — сформировать у большинства более-менее мыслящих людей научно обоснованное мировоззрение и миропонимание.

Такое миропонимание представляет собой базис для поиска новых знаний и оценки решения проблем.

Однако было сказано, что существует множество мировоззрений.

Действительно, их существует множество.

Но какое из них научно-обоснованное?

Что значит научно обоснованное мировоззрение?

По каким критериям должна оцениваться научность обоснования?

Должно ли это подчиняться критериям верификации?

Критериям, о которых говорил Карен Хачикович.

Или же это фальсификационизм Карла Поппера?

Или мы должны придерживаться при описании картины мира позиции пролиферации Пола Фейерабенда, согласно которой допустимо все – «anything goes».

Но тогда мы выходим на другую позицию.

Позицию железного практицизма, прагматизма Чарльза Пирса, согласно которой «То, во что для нас лучше верить, — истинно».

Но это очень опасная философия и мировоззрение.

Потому что то, что полезно для меня, не всегда
полезно для другого.

Например, мне нужны деньги.

Я взял, стукнул кого-то по голове и забрал деньги.

Еще раз вопрос.

Возможна или невозможна научная обоснованность
мировоззрения?

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Слово еще раз берет профессор Нестеров.

Пожалуйста.

НЕСТЕРОВ А.Ю.

д. филос. н.

Уважаемые коллеги, еще раз хочу сказать спасибо.

По сути, руководителям философского сообщества страны.

За такую синоптическую, синтетическую позицию.

Потому что мы привыкли в феноменологии, в аналитической философии всё-таки к аналитической установке.

А сейчас, действительно, запрос изменился.

Задача заключается в том, чтобы перейти от анализа к синтезу.

Этот синтез может носить теоретический, научный и технический, искусственный характер.

То есть характер техники.

Хотел бы обратить внимание на значимость такой отрасли философского знания, как философия техники.

Она в России не самая популярная.

После работ профессора Горохова Виталия Георгиевича возникала некоторая пауза в философии техники.

Но сейчас появляется очень много переводов.

Докторские диссертации защищаются по философии техники.

Мой тезис заключается в следующем.

Может быть, искомый синтез следует искать не в терминах теорий.

А в терминах теории деятельности, теории творчества.

Или, что то же самое, в терминах философии техники.

Я вижу существенную угрозу философскому знанию как синтетической форме знания в технике.

В некритически понятой технике.

Мы знаем высказывание Мартина Хайдеггер: «Кибернетика уничтожит метафизику».

Я не случайно задал вопрос Карену Хачиковичу.

Каковы в МГУ инженеры как студенты?

Мы, в прошлом аэрокосмический университет, у себя наблюдаем такую динамику.

Некогда элитная группа студентов, будущих инженеров, программистов, превращается сейчас фактически в обучающихся ПТУ.

Это говорит об определенном рода деградации высшего технического образования в стране.

Техника — это квинтэссенция самосознания человека.

Мы свой уровень демонстрируем в том, что мы делаем.

Текущее поколение инженеров уже фактически обучается на основании ChatGPT.

Их руководители это приветствуют.

Когда мы сталкиваемся с этими студентами в практической жизни, мы испытываем угрозу нашей профессии.

Мы испытываем угрозу философскому знанию.

Так это или не так?

Я просил бы старших коллег высказать свою точку зрения.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Рубен Маркарян, пожалуйста.

МАРКАРЬЯН Р.В.

к. ю. н., адвокат, член адвокатских палат Москвы и Берлина,
заместитель президента Гильдии российских адвокатов

Спасибо за предоставленное слово.

Гарегин Ашотович спросил, был ли философом Кафка.

Кафка был судебным представителем страховой компании, по сути, адвокатом компании и ее клиентов, много ходил в суды по страховым случаям.

Я, впервые прочтя Кафку, не понимал, о чем он пишет.

И первые годы работы адвокатом не понимал.

Только лет через 10 до меня дошло, о чем он, собственно.

Кафку просто «вырвало» этими романами: «Превращение», «Процесс», «Замок».

Он показал человека, который сталкивается с постоянной несправедливостью со стороны государства, с произволом судей, с абсолютной глупостью происходящего и абсурдом.

Это я о том, что эти понятия и профессии – юрист и философ – очень близкие.

Я глубоко в этом убежден.

Карена Хачиковича я приглашал выступить перед школьниками.

Я являюсь наставником правового профиля в старших классах школы 1409.

Мы, наверное, единственный в стране специализированный юридический класс: не гуманитарный, а именно юридический.

Тема нашего общения с профессором Момджяном была «Философия — главная наука для юриста».

Потому что юрист — не крючокотвор и не просто законник.

Юрист — это специалист по справедливости, это даже из перевода слова «юстиция» понятно.

А справедливость — это философская категория, а не правовая.

В этом смысле, мы с философами — родственные души.

В качестве удивительного для меня факта, английский барристер, когда я судился как-то в Лондоне, сказал:

«В Англии 90% судей не имеют первичного юридического образования.

Они имеют философское».

Чтобы стать юристом (lawyer), по закону, прежде чем получить право на практику, они должны два года проходить стажировку в юридической фирме.

Они не учат право в нашем понимании, они учат то, что лежит в его основе, — справедливость.

То есть сначала — философия.

Пример из моего опыта.

Когда учатся в английской школе по программе A-level, в старших классах, у ученика есть выбор, какие предметы изучать.

А их всего три, чтобы изучать углублено для подготовки к поступлению в выбранный вуз по выбранной профессии.

Если ты выбрал профессию юриста, то выбираешь — философию, историю, психологию.

В наших старших классах выбора философии нет; ее просто не существует как предмета.

Я, как фанат-одиночка в правовом профиле школы, стараюсь дать детям какие-то основы философии.

Потому и приглашаю профессора Момджяна и других его коллег.

Считаю, для будущих юристов главная задача — понимать справедливость, ощущать кожей несправедливость, а не подгонять проблемную ситуацию под рамки закона.

Без философских понятий этому не научиться.

Как минимум надо понимать Канта с его «категорическим императивом» и Иеремию Бентама с его «утилитаризмом».

Вопрос к выступающим докладчикам.

Это не диверсия ли против будущего? У нас?

Ведь если в Англии, что управляет миром – как они считают – дается возможность в средней школе изучать философию как раз для того, чтобы потом уметь этим самым миром управлять, – почему у нас такой возможности не предоставляется вообще?

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Кому адресован этот упрек?
Задумайся, кого ты упрекаешь.

Кстати, Владимир Николаевич Шевченко, Вы совершенно справедливо говорили.

Сегодня слово «философия» употребляется во множестве.

Употребляется применительно к философии обуви, философии машины и так далее.

В этом смысле теперь конкуренцию стала составлять и физика.

Например, физик-теоретик Митио Каку — автор довольно любопытных работ «Физика будущего», «Будущее разума» и так далее.

В «Физике будущего» он описывает наше будущее до 2100 года.

Описывает с учетом технологической революции.

Причем перспективы не самые радужные.

Но терминологически это не означает — действительно претендовать на глубину этого понятия.

Это своего рода немного игра словами.

Хотя, наверное, тоже содержательно.

Я, возможно, тоже злоупотребляю термином «философия».

Потому что философия жизни для меня — очень важное понятие.

Всегда пытаюсь понять.

Какой философией руководствуется тот или иной человек.

Это личностное его представление о жизни...

О предназначении.

О том, что происходит вокруг.

Это такой маленький комментарий.

Продолжим.

Алексей Саватюгин, пожалуйста.

| САВАТЮГИН А.Л.

Спасибо, буду предельно краток.

Много было вопросов.

Философия — это наука или не наука?

Ответ на этот вопрос дан в анонсе нашего заседания.

Из трех уважаемых выступающих двое — доктора философских наук и один кандидат философских наук.

Высшая аттестационная комиссия уже приняла решение на этот счет.

Странно, если бы ученый, имеющий научную степень по философии, отрицал научность философии.

Кроме того, несколько выступающих — высокопоставленные представители Института философии Академии наук.

Поэтому дискуссия интересная, но практического смысла не очень имеющая.

Потому что большинству, по крайней мере, социально-гуманитарных дисциплин можно сказать:

«Вы — не наука. Вы не отвечаете критериям ни верифицируемости, ни фальсифицируемости, ничему».

Например, история — это наука или не наука?

Нет однозначного ответа.

Даже экономика, которая вроде бы представляется главной общественной наукой.

Например, она не подпадает под критерии научности Милтона Фридмана, главного экономиста XX века.

Потому что предсказательная сила экономики не очень велика.

Не знаю, какая у философии предсказательная сила, а с экономикой все ясно.

Философия — это то, чем интересно заниматься и за что дают степени.

Книги философов интересно читать.

Особенно интересно читать, в терминах Карена Хачиковича, представителей валюативной философии.

Некоторым даже интересно читать книги рефлексивной философии.

Но таких гораздо меньше.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, Павел Алексеевич.

МЕДВЕДЕВ П.А.
д. э. н., профессор

Спасибо большое.

К моей досаде.

Кажется, главную прелесть и главную пользу философии никто не упомянул.

Философия дает повод и инструмент для общения.

Что мы сегодня и продемонстрировали.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Пожалуйста, Мецо Игитян.

Игитян М.Ю.: Постараюсь очень коротко.

Сегодня затрагивалась тема искусственного интеллекта.

Думаю, это то, что, как говорят, неизбежно.

Во многих выступлениях была эта мысль.

Сегодня активно используется ChatGPT, при помощи искусственного интеллекта пишут работы студенты.

Я понимаю, что это проблема всех, кто преподает.

Я тоже с этим сталкиваюсь, когда обнаруживаю, что какой-нибудь доклад, например, по международным отношениям написан при помощи этого инструментария.

Но это — неизбежность.

Рано или поздно мы к этому придем.

90% всех человеческих функций, особенно рутинных, будут так или иначе переведены на искусственный интеллект.

В том числе, и большая часть арбитражного судопроизводства.

И там уже возникает множество вопросов, связанных с морально-этической стороной.

Когда искусственный интеллект будет принимать решения.

Решения, которые касаются судеб.

Решения, связанные с медициной.

Решения, связанные с чем-то жизненно важным.

Есть гипотеза о том, что мы все живем в симулированной реальности.

И что она, эта реальность, создана каким-то сверхмощным искусственным интеллектом.

И вновь возникает вопрос, есть ли Бог...

А кто этот мир создал?
Вопрос по поводу первичности сознания или материи.

Много лет назад, в советское время, тогда еще глушили западные радиостанции, я ребенком на Би-Би-Си услышал очень интересную передачу о религии.

Там рассуждали о том, что этот мир создан кем-то – Богом или сверхразумом.

Или же он возник, как у Дарвина, случайно, спонтанно развивался путем эволюции.

Так вот, ученые привели интересный и очень наглядный пример.

Если вы идете по пустыне и видите, допустим, валун.

Он имеет какую-то определенную форму, которую он мог получить в течение миллионов лет, без всякого умысла, спонтанно, под воздействием ветра, дождя и так далее.

Но если вы идете по пустыне и обнаруживаете сложнейшие часы с турбийоном.

Очевидно, что этот механизм не мог случайно и удачно состояться, он не возник сам по себе, спонтанно, по воздействию дождя, ветра и гравитации.

Это означает лишь, что этот механизм кем-то или чем-то создан.

А наш мир в миллионы раз сложнее любых самых сложных часовых механизмов.

Наш мир, безусловно, придуман сверхмощным разумом.

Я уверен, что есть некая надмирная реальность.

Все так создано, что без проекта, без Создателя, стихийно это все возникнуть не могло.

В советской школе нам внушали: наука делает все новые открытия и поэтому Бога нет.

А все с точностью наоборот.

Чем больше научных открытий и междисциплинарных взаимосвязей мы имеем, тем больше это подтверждает, наш мир создан этим сверхразумом.

От этой проблемы не отмахнуться.

Вам, как выдающимся философам, рано или поздно придется на эти вопросы постараться дать ответы.

Или какие-то рекомендации.

Потому что это уже наше завтрашнее будущее.

Это — будущее наших детей.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Торшин А.П.: Я был на учебе в объединенной парторганизации Института государства и права и Института философии.

Там рассматривали один чрезвычайный случай.

Послали малярш покрасить фасад здания Института философии.

Работа практически была сорвана: три малярши забеременели.

А Вы говорите, что у рядовых граждан нет связи с философией.

Игитян М.Ю.: Как говорил Ширвиндт, если вас жизнь после 50-и не устраивает, примите еще 50!

Тосунян Г.А.: Это к вопросу: «Мы восходим к философии или, наоборот, скатываемся в нее?»

Это разные пути.

Торшин А.П.: Это надо тщательно обдумать.

Тосунян Г.А.: Вопрос о Творце не забудьте: почему Он так редко упоминается в рассуждениях.

Коллеги, начнем подводить черту.

Давайте выслушаем заключительные слова докладчиков.

Начнем с Карена Хачиковича.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

МОМДЖЯН К.Х.

Спасибо.

Главный тезис моего выступления касается существования двух разных жанров философствования.

При этом я не оспариваю существование «философии вообще», рассматривая ее как самостоятельный вид интеллектуальной деятельности, задача которой состоит в осмыслении мира как целого и места рядового человека в нем.

Просто это осмысление осуществляется двумя принципиально разными способами, один из которых имеет отношение к науке, а другой – нет.

Олег Анатольевич Ефремов говорил о различении двух видов истины.

Это на самом деле не так.

Хочу напомнить вам сюжет из «Золотого тельца», в котором Остап Бендер использовал бухгалтера Берлага, чтобы собрать компромат на Полыхаева.

Берлага выдал своего сообщника, а потом, выйдя из воды, заявил: «Я сделал это не в интересах истины, я сделал это в интересах правды».

Это звучит как смешная фраза, а на самом деле это глубокая философская мысль.

Потому что есть гносеологическая истина, которую ищет рефлексивная философия, и есть неverified-руемая житейская правда, которую ищет и пропагандирует валюативная философия.

Но ведь религия делает то же самое – она тоже ищет смыслы человеческого существования в мире.

Возникает вопрос: а в чем различие между ними?

Различие состоит в том, что валюативная философия не апеллирует к вере, она пытается убеждать.

Академик Лекторский совершенно прав, когда утверждает, что философия – занятие сугубо рациональное, которое ищет аргументы в пользу той или иной точки зрения.

Это, безусловно, так, и это касается и валюативной философии, и рефлексивной философии.

Вопрос не в использовании аргументов, вопрос в доказательной силе этих аргументов.

Я спрашиваю: можно ли теоретически доказать, что аргументы, которые использовал Эпикур, чтобы обосновать ценности гедонизма, истинные, а вот аргументы, которые использовал Сенека, чтобы обосновать этику стоицизма – ложные?

Мне кажется, что всякий философ валюативного направления апеллирует к людям со схожим психотипом и схожими убеждениями.

Здесь нет никакой объективной истины, обязательной для всех.

Это чистая житейская «правда», которая у разных людей разная.

В отношении того, что было сказано академиком Смирновым о существовании иных форм философии, отличных от европейской.

Я с этим совершенно согласен.

Беда в том, что я очень плохо знаю арабскую философию и лишь немногим лучше знаю китайскую.

Поэтому я основывал свои рассуждения на европейской философии.

Имел ли я право обобщать свои суждения?

Думаю, что да, поскольку убежден в том, что цивилизационные различия важны только в случае валюативного философствования.

Конечно, рефлексивные представления о мире у разных культур могут быть разными, но я не думаю, что они теоретически несовместимы в принципе.

К сожалению, я не могу согласиться с другим утверждением Андрея Вадимовича.

О том, что в европейской философии отсутствует философия действий.

Полагаю, что философия Фихте, философия Маркса и, конечно же, «Наука логики» Гегеля могут и должны быть поняты как философия действия.

Правда, у Гегеля действует не человек, а абсолютный дух, но фундаментальные принципы действия, его субъект-объектная логика, связь опредмечивания и распредмечивания и прочие параметры от этого не меняются.

Относительно вопроса о Творце.

Это великая метафизическая проблема.

Если бы я занимался метафизикой, я, наверное, пытался бы привести какие-то аргументы в пользу того, что доказать нельзя.

Но я занимаюсь рефлексивной социальной философией.

И руководствуюсь известным принципом: обществовед не знает и не может знать достоверно о существовании Бога, он обязан знать, как ведут себя люди, верящие в то, что Бог есть.

Теперь два вопроса из чата.

«Карен Хачикович, почему в вузовских учебниках по социальной философии отсутствует экономическая сфера общества?

Есть политическая, есть духовная, а материальной нет».

Это вопрос Аллы Алексеевны Шептун.

Вы знаете, учебники по социальной философии, к сожалению, в большинстве своем плохие.

Но если в некоторых из них отсутствует экономическая сфера общества, это потому, что такой сферы не существует.

Дело в том, что экономика – это не подсистема общества, образующая сферу общественной жизни.

Это уклад общественной жизни – инфраструктурный компонент, существующий во всех ее сферах.

Свою экономику, связанную не с производством, а с распределением и обменом произведенного, имеют хозяйственная, социальная, духовная и организационная сферы общественной жизни.

Гарегин Ашотович, если это интересно, я готов поделиться своим мнением о том, что такое общество и как оно устроено, рассказать о подсистемах, компонентах и элементах общественной жизни.

Еще один вопрос – от Жана Терентьевича Гощенко: «В чем порочность постмодернизма в трактовке философии?».

У меня хорошее отношение к постмодернизму, но при том условии, что мы ограничиваем его установками ценностного сознания.

Когда постмодернисты говорят «униформа вышла из моды», я с этим совершенно согласен.

Пусть в культуре расцветают сто цветов.

Но, руководствуясь этим лозунгом, не следует плюрализировать науку, в которой царит диктат истины, исключая такой терпимость.

Мне не нравится в постмодернизме критическое отношение к истине и к эссенциалистской стратегии познания.

А также то, что задачей философии считают не «толкование вещей», а «толкование толкований», то есть фактически превращают философию в культурологию.

Еще вопросы Аллы Алексеевны Шептун из чата:

«Как Вы относитесь к философии Маркса?»

Какое место она занимает в современной философии России?

Как помогает в объяснении целостной картины мира?

Что Вы говорите своим студентам?

Судя по возрасту докладчиков, вы все выросли из философии марксизма.

Как изменилось Ваше отношение к философии Маркса – что Вы отвергаете, а что признаете?»

Недавно я написал для журнала «Вопросы философии» статью о Марксе и его социальной философии.

Я считаю Маркса выдающимся ученым, многие идеи которого сохраняют свою силу и поныне; и пытаюсь обосновать свое мнение.

Не нужно только делать две вещи.

Первая – путать Маркса-ученого с Марксом-идеологом.

Вторая – путать Маркса с «марксистами», особенно азиатскими, в теории которых, как сказал один

**остроумный человек, на 20% Маркса приходится
80% Стеньки Разина.**

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Владислав Александрович, Вам слово.

ЛЕКТОРСКИЙ В.А.

акад. РАН

Дорогие друзья, спасибо.

Спасибо всем докладчикам, всем выступавшим.

Было очень интересно.

Наша сегодняшняя дискуссия убеждает всех присутствующих: без философии у человека нет будущего.

Философия никуда не делась.

Философия никуда не денется.

Без решения философских проблемы мы не можем ни на что рассчитывать.

Так как это основные проблемы существования человека.

Как понимать философию?

Это уже другой вопрос.

Философия и наука.

Философия и ценностные отношения к миру.

Можно это обсуждать, и мы это обсуждали.

Но ясно одно.

Философия заставляет человека думать о самом себе.

Проблематизировать собственное существование.

Давать ответы на смысложизненные вопросы.

Понимать, что можно делать, а чего делать категорически нельзя.

Желательно куда-то двигаться дальше.

Двигаться в лучшую сторону.

И знать, что лучше и что хуже.

На основании сегодняшнего обсуждения мы убедились в том, что философия не сходит со сцены.

Наоборот, она приобретает все большее и большее значение.

Отмечу еще один аспект, о котором я не сказал в докладе.

Я говорил о доверии.

Философия невозможна без доверия.

Но философия отличается еще тем, что она учит критическому мышлению.

Без критики наука невозможна.

Критическое мышление в высшей степени необходимо в наше время – не только в философии и науке, но и в жизни.

Когда я учился в школе в сталинские годы, нам преподавали логику.

Преподавал мне логику Борис Владимирович Бирюков, который впоследствии стал крупнейшим нашим специалистом в области истории логики.

Сейчас логику в школе не преподают.

И это очень плохо.

Люди не умеют мыслить.

Ведь кругом развелось множество жуликов, мошенников, которые спекулируют на доверии людей.

Сейчас нужно всех учить логике, критическому мышлению.

Сегодня обсуждалась проблема взаимоотношения философии и науки.

Скажу об этом ещё раз.

Для меня философия — это рациональное исследование.

Это — аргументация.

Но сфера такого рода исследования гораздо шире, чем сфера любой специальной науки.

Говорили о возможности доказательства в философии, о возможности применения к философским утверждениям процедур верификации и фальсификации.

При этом некоторые выступавшие считают, что в науке есть и доказательства, и верификация, и фальсификация.

В то время как в философии ничего подобного нет.

Из этого делался вывод о принципиальной ненаучности философии.

В действительности дело обстоит совершенно не так.

Во-первых, доказательство в точном смысле возможно только в математике.

Но даже там некоторые программы обоснования математики не будут принимать доказательства, полученные в рамках других программ.

Что касается фактуальных наук, то в них нет доказательств в строгом смысле слова, а есть иные способы обоснования принимаемых утверждений.

В науке есть масса допущений и предположений.

Тех, которые лежат в основании научного метода вообще, в основании принимаемых картин мира, научных исследовательских программ, в основании отдельных теорий.

Верификация – это подтверждение того или иного утверждения эмпирическими фактами.

Фальсификация – это опровержение утверждения подобными фактами.

Исследования в философии науки показали, что процедуры верификации и фальсификации применимы только к утверждениям, касающимся эмпирических фактов.

Но они не применимы к исследовательским программам, принимаемым научным картинами мира и даже к большим теориям.

Принятие или отвержение программ и теорий подчиняется другим, гораздо более сложным рациональным процедурам.

Такой известный философ науки, как Поппер, в своё время в качестве критерия научности утверждения ввёл принцип фальсификации.

То или иное утверждение, или та или иная теория могут претендовать на научность, если они допускают возможность опровержения будущим опытом.

То есть он считал, что мы принимаем в науке те утверждения, которые, с одной стороны, в данное время не фальсифицированы, то есть не опровергнуты имеющимся опытом.

Но, с другой стороны, допускают возможность подобной фальсификации в будущем.

С точки зрения Поппера, принцип фальсификации выражает водораздел между философией и наукой.

В действительности это принцип не работает.

Так как главные принципы научного вывода не фальсифицируемы.

Например, наука исходит из принципа причинности.

Но это положение нефальсифицируемо.

Идея о том, что мир устроен законносообразно, тоже нефальсифицируема.

А без принятия этой идеи нет науки.

Но особенно интересно, что сам попперовский принцип фальсификации не фальсифицируем.

Наука оказалась гораздо более сложным предприятием, чем многие думали раньше.

Ряд философов считали – так думал и Поппер – что научная теория должна иметь способность объяснять имеющиеся события и предсказывать новые события.

Если теория может объяснить то, что уже произошло, но не может ничего конкретное предсказать, то она не научна.

Так считал Поппер.

В действительности дело обстоит сложнее.

Формулирование предсказания предполагает возможность подставить конкретные факты в общее положение о действующем законе.

Но бывают случаи, когда этих фактов мало.

И тогда невозможно сделать точное предсказание.

Но когда событие произошло, появились те факты, которых раньше не было, в этой новой ситуации можно объяснить, почему это событие случилось.

Так, например, на основе теории движения тектонических плит Земли можно объяснить, почему в данном месте произошло землетрясение.

Но его было невозможно предсказать заранее.

Это не делает теорию движения тектонических плит Земли ненаучной.

Философия в широком смысле похожа на науку.

Это рациональное исследование в любом случае.

В философии речь идет о понимании познания, понимании науки, понимании осмысленности мира, понимании человека с его сознанием и свободой воли.

Речь идет о нормах нашей познавательной и практической деятельности.

Философия – это рефлексивное исследование.

Это рациональное исследование, использующее аргументацию.

Аргументация в философии бывает разная.

Об этом я уже говорил.

К тому, что я уже сказал, добавлю только, что в философии широко используются мысленные эксперименты.

Они используются и в науке тоже.

Во время дискуссии был поставлен вопрос о Творце.

Если мир гармонично устроен, то не следует ли предположить, что есть какое-то высшее существо, которое этот мир устроило?

Существование высшего Творца в прошлом предполагали многие философы.

Не все философы сегодня так думают.

Хотя даже в рамках аналитической философии, которая сейчас распространена в англосаксонском мире и во многих других странах на Западе, иногда появляются философы, которые приходят к идее Бога.

Нужно сказать, что огромное большинство представителей аналитической философии являются атеистами или агностиками.

Аналитическая философия культивирует строгость рассуждений, опирается на логику, на смысловой анализ.

И вот в рамках этой философии есть выдающиеся философы, которые являются или стали религиозными людьми, и пытаются философски обосновать религиозные утверждения.

Назову некоторых из них.

Это, например, Хилари Патнэм, классик аналитической философии.

Он в конце жизни стал религиозным человеком.

Это Алвин Плантинга, известный философ-аналитик.

Это ученица Людвиг Витгенштейна Элизабет Энском.

Это, например, Н. Решер – известный специалист в философии науки.

Дореволюционная русская философия была в основном религиозной.

Это Владимир Соловьев, Николай Бердяев, Сергей Булгаков.

**Лейбниц однажды поставил такой вопрос:
«Почему существует нечто, а не ничто?»**

Как на него ответить?

Некоторые считают, что это вообще псевдовопрос.

Что на него невозможно ответить.

А некоторые пытаются отвечать.

Недавно скончался Александр Степанович Карпенко, известный логик и философ, заведующий сектором логики Института философии РАН.

Он пытался ответить на этот вопрос.

И в этой связи построил целую философско-логическую систему о возможных мирах.

Сегодня состоялось очень интересное обсуждение. Меня оно воодушевило.

Я окончательно убедился в том – хотя был убеждён в этом и раньше, – что без философии мы никуда деться не можем.

Хотим, не хотим, а приходится философствовать. Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.
Пожалуйста, Владимир Сергеевич.

КРЖЕВОВ В.С.

к. филос. н.

Коллеги, считаю философию в высшей степени профессиональным знанием.

Повторюсь: может быть философия обыденности, но не может быть обыденной философии.

В таком случае слово «философия» уже используется без достаточного основания.

Мы знаем, как этим словом злоупотребляли.

Теперь вот, боюсь, что-то очень похожее начинается с понятием «цивилизация», когда его упоминают к месту и не к месту.

Давайте все-таки исходить из следующего.

Философия — это знание, имеющее строгие рамки, строгие границы и предъявляющее строгие требования.

Что касается выбора между ценностями.

Думается мне, что не такой уж это простой вопрос – вопрос выбора между ценностью свободы и ценностью безопасности.

Карен Хачикович, скажите, пожалуйста, какой выбор делали эсэсовцы, которые отправляли евреев в печь и в концлагерь?

Ведь они считали, что этого требует их свобода и безопасность.

Момджян К.Х.: Это бессмысленный вопрос.

Кржевов В.С.: Почему же он бессмысленный?

Это вопрос о том – а что такое свобода?

Что такое безопасность?

Я говорю о том, во что люди верили, что считали истинным и потому ценили.

Я и спрашиваю: что такое свобода, что такое безопасность?

Мы должны уверенно отвечать на эти вопросы.

Чтобы не допускать подобных опытов.

Потому что нечто похожее происходило и с ГУЛАГом.

Тоже ведь тогда всё то делали во имя свободы и во имя безопасности.

Если такими понятиями пользоваться безо всякой определенности, свободно, можно наломать очень много дров.

Кроме того – я тоже об этом уже говорил, – философия работает с особым понятийным аппаратом.

Его категории – высшей степени абстракции.

Это требует обучения, навыка.

Совершенно прав уважаемый академик Лекторский, полностью с ним согласен.

Без овладения этим искусством не будут решаться задачи мышления.

Вы меня спросите: а кто программировал искусственный интеллект?

Но пока что искусственный интеллект — это не более чем инструмент для работы с очень большими объемами информации.

Да, он в высшей степени технологичен.

Да, в высшей степени продуктивен, результативен.

Но называть это интеллектом — это что-то вроде «философии обыденности».

Это сильное преувеличение.

Пока это всего-навсего автомат, который выполняет технические задачи.

Да, высочайшей степени сложности.

А нас это удивляет?

Мы в космос летаем, на другие планеты.

Что так за это уцепились?

Это еще очень далеко от серьезных проблем человеческого мышления, человеческого интеллекта.

Это мое краткое замечание.

Что ещё хотел бы сказать?

Зачем нужна философия?

Я позволю себе напомнить основное.

Как я говорил, в философии и методологии науки есть такое понятие, как объяснительный принцип.

Это область определения, где решения вставшей задачи могут быть найдены.

Подчеркиваю: не обязательно найдены, как бы сами собой.

А могут быть найдены.

И вместе с тем определяется область невозможного, где решений нет, и найдены они быть не могут.

Да, такая определённости не на века, не навсегда.

Философские концепции не окончательные.

Но всё же с ними надо определиться.

И искать решения там, где они потенциально могут быть найдены.

Искать, потому что это плодотворно.

А когда найдем, перейдем к каким-то другим вариантам постановки вопроса.

Философия учит искусству постановки проблем.

Со времен Платона философы и учёные повторяют: правильно поставить вопрос – это наполовину его решить.

А неправильная постановка обрекает блуждать по кругу.

Если хотите, это моя вера.

И этому тоже учит философия.

Есть такое нехорошее выражение – «экономия мышления».

Точнее, у нас оно некогда было скомпрометировано – подобно многим другим хорошим выражениям: «экономия сил», «экономия ресурсов», «экономия времени».

Люди, руководствуясь определёнными установками – порой интуитивно, – искали метод решения встающих задач.

Наконец, установили правило какой-то группы решений, их принцип – решения в этой области пошли легче.

А люди смогли заняться поиском других принципов.

Такова логика движения мысли.

Я с этим не могу спорить: человеческое мышление — это творческий процесс.

Оно никогда не кончается.

Когда-то был идеал абсолютной неопровержимой истины.

Истины, которая раз и навсегда.

Истины, которая больше никогда не изменится.

Кстати, этот идеал идёт от тех же самых боготворимых греков.

Мы давным-давно это преодолели.

Сейчас, я надеюсь, мы и учимся, и думаем по-другому.

Два слова о тех философах, которые «вливают на политику».

Я еще раз хочу подчеркнуть: речь нередко идет о тех, кто за философию выдаёт то, что философией на самом деле не является.

А потом появляются – с гитлеровскими усиками.

Вы Платона в усиках а la fuger представляете себе?

Момджян К.Х.: Гарегин Ашотович, можно ответить на один вопрос?

Меня спрашивали.

Как оцениваются интеллектуальные потенциалы современных инженеров.

Я не в состоянии ответить на этот вопрос.

Потому что никогда с инженерами не работал.

Но у меня очень пессимистические прогнозы в отношении университетских студентов.

Мы впервые столкнулись с поколениями, которые перестали читать.

Мои студенты не читали ни Тургенева, ни Толстого, ни Дюма.

Они не знают, кто такой Д'Артаньян.

Как можно учить искусству мысли людей, которые не читают?

Я не очень понимаю.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Слово председателю нашего Совета академику Гусейнову.

Абдусалам Абдулкеримович, прошу Вас.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ГУСЕЙНОВ А.А.

акад. РАН, д. филос. н.,

научный руководитель Института философии РАН

В данном случае трудность моей позиции связана именно с тем, что я являюсь специалистом.

Но вы же видели, что означает быть специалистом.

Доклады, которые мы прослушали, они как раз и дали ответ.

По крайней мере, дали представление.

Представление о том, каковы наши суждения о философии.

О том, что такое философия.

Все три доклада были тремя разными ответами на этот вопрос.

В дискуссиях и выступлениях они еще были расширены и дополнены.

Мы даже услышали несколько новых определений.

Карен Хачикович дал очень интересное определение.

Поскольку философия в буквальном смысле всегда понималась как любовь к мудрости, а мудрость — это ум, настоящий на морали, то...

Это целое определение философии.

Владимир Сергеевич, как Вы называли это?

Корректный способ обобщения.

Потом выступал коллега Ефремов.
Тоже сказал, что это систематизация мировоззрений.

Действительно, определений много.
Наши докладчики подтвердили многозначность философии.

Подтвердили высоким уровнем своих докладов.
Поделились определенным пониманием предмета философии.

За это им огромная благодарность.

Они охарактеризовали нашему сообществу состояние современной философии.

Философии вообще, в том виде, в каком она реально существует.

Да, она многозначна.

Гарегин Ашотович во вступительном слове играл с понятиями.

Когда говорим о философии, мы скатываемся или поднимаемся?

Он больше склонился к тому, что поднимаемся куда-то на вершину.

Может быть, лучше сказать – сбиваемся.

В свободном разговоре, хотим или не хотим, мы всегда сбиваемся на философию.

И это само по себе является очень важным симптомом.

Почему мы сбиваемся на философию?

Откуда возникает такая свободная игра разума?

Откуда возникает такой свободный разговор?

Любой человек, поскольку он является мыслящим, по-другому не может жить.

Он обязательно задается этими вопросами.

Сама мысль человека, как говорил Кант, сталкивается с вопросами.

С вопросами, на которые сам разум дать ответа не может.

Отсюда начинается философия.

Я не могу согласиться и провести такую стену.

Между профессиональной философией и обыденным сознанием, обычными мыслящими людьми.

Это, кстати, многие философы признавали.

Даже Кант.

Когда он ввел понятие школьной философии и философии в мировом понимании, во всемирно-историческом смысле.

Он как раз это и имел в виду.

Одно дело — академическая философия, та, которую преподают в университете.

Другое дело — философия в практике мыслящих людей.

То есть в самой практике людей как разумных существ.

В своих заключительных заметках я не хочу вступать в полемику.

И как-то обозначать свою позицию, как если бы она была более истинной чем то, что говорили мои коллеги.

Тем не менее, хочу сказать.

О докладе Карена Хачиковича.

Как всегда, его суждения произвели на меня сильное впечатление.

Уверенностью, точностью, логичностью, ясностью и так далее.

Я бы сказал, внутренним напором.

Напором, который обязывает слушателей согласиться с ним.

А если нет, то скажите, почему это не так.

То есть это твердо продуманная и обоснованная позиция.

Тем не менее всё-таки он говорил не о том, что такое философия.

Он отвечал на вопрос, сколько существует философий.

Он утверждал, что есть две разные философии.

Одна, как он назвал, валюативная.

А другая – научная.

Или одна – научная, другая – ненаучная.

Это разные философии.

Более того, они не могут быть две в одной.

Они не могут быть соединены.

Хотя под конец он их соединил, когда внёс определение, что они суть два разных взгляда на мир.

Их объединяет то, что общим является сам факт их существования как разных.

Мы смотрим на мир в целом.

Там не было этого понятия.

Это у нас возникает два разных взгляда.

Возникает два разных подхода.

На это, действительно, трудно возразить.

Существуют эти два подхода.

В современном философском мире они очень сильно разошлись между собой.

Даже взаимно позиционируют друг друга как разные взгляды.

Взгляды, которым невозможно сойтись вместе.

Вот аналитическая традиция.

Англосаксонская и континентальная, европейская, немецкая, французская.

В самих философских дискуссиях представители этих разных направлений уверяют оппонентов: это не философия.

Философия — всего лишь одна из этих двух.

Здесь есть над чем подумать.

В каком-то смысле упрек заключается в следующем.

Здесь изначально берется схема.

Схема, которая затем приходит к выводу.

Что научной является только одна философия.

Научной является сциентистская философия.

Потому что изначально вопрос ставится в рамках отношений между мыслящим человеком, субъектом и объектом – внешним миром.

Они разделяются между собой друг от друга.

Как если бы сам мыслящий человек находился вне мира.

Нам надо определить наше отношение к этому миру.

Он изначально кладет в шляпу кролика.

Кролика, которого потом будет из нее вытаскивать.

То есть изначально дается такая постановка вопроса.

В ее рамках мы можем прийти только к такому выводу.

Что это две разные философии, два разных взгляда.

Но вся проблема вот в чем.

Есть философия. Есть взгляд на мир в целом.

И если философия не выделяет внутри себя определенный сегмент, как выразился Андрей Вадимович.

А берет именно мир в целом...

То это означает, что мы, которые задаем этот вопрос, тоже принадлежим этому миру.

Философ, который рассуждает о том, что такое философия...

Он тоже находится внутри этого мира.

Это часть этого мира.

Это сам мир формулирует этот вопрос устами философа.

В таком случае вы не можете разделить.

Ведь если философ находится внутри мира...

То кто задает этот вопрос?

Это задает живое мыслящее существо.

Человек задает этот вопрос.

Вы не можете разделить его на эти две части.

И сделать их так, что они между собой не соединяются.

Потому что не существует самого мышления.

А философия все-таки имеет дело именно с мышлением.

Философия и возникла как искусство мыслить.

В отличие от мифологии.

Или от каких-то других способов отношения к миру.

Она не может мыслить без того, чтобы не ставить вопросы.

Те, которые мы относим к самому предмету.

Те, которые мы относим к вопросам о ценностном взгляде на мир.

Ведь сциентистская, научная философия исходит из разделения: есть истина, есть заблуждение, есть ложь.

Ницше – яркий представитель валюативной философии.

Он задался вопросом: «Мы стремимся к истине.

А отчего же не к заблуждению? Почему не ко лжи?»

Мы изначально отделили истину от заблуждения.

А как вы могли это отделить, если не задали какую-то ценностную рамку?»

Этот пункт я фиксирую не как более верную точку зрения.

А как пункт, над которым мы должны поразмышлять.

Поразмышлять про многообразие философии.

Многообразие, которое реально имеет место.

Многообразие, которое является выражением самой природы философии...

Поразмышлять про само ее место в системе духовного производства.

То есть во всей большой вселенной нашего общественного сознания.

Это очень важный вопрос.

Чтобы осознать философию как нечто ценное, важное.

Как определенную область человеческой деятельности в единстве ее многообразия.

А это многообразие очевидно.

Очевидно тогда, когда речь идет о европейской философии.

Оно будет очевидно и на еще более глубоком уровне...

Когда речь пойдет о разных автохтонных философских традициях.

Ответ на этот вопрос является ключевым.

Для того чтобы философию, как очень важную профессиональную, особую форму человеческой деятельности, замкнуть на всеобщность существования человека в его мыслительной функции.

То есть связать философию и вопросы, которые она обсуждает и на которые она не может не отвечать по-разному, так как различны те, кто отвечает.

С реальными жизненными вещами и реальными формами.

Формами, в которых живет человек.

Современный человек, человек прошлого, человек будущего.

Владислав Александрович говорил, что нет будущего без философии.

Абсолютно правильно.

Но нет и настоящего без философии.

Карен Хачикович приводил пример со своим четырехлетним сыном.

Он споткнулся о камень.

Он потребовал, чтобы наказали этот камень.

Это уже реальная ситуация.

Его маленький сын повернулся к философскому взгляду на мир.

Он обратился к философским вопросам.

У Плутарха в «Автобиографиях» есть такой эпизод.

Протагор беседует с одним великим афинянином.

Они спорят между собой целый день.

Спорят относительно одной ситуации.

Во время игр стрелой был ранен и убит человек.

Спорят о том, кто виноват.

Виноват человек, который послал эту стрелу?

Или тот, кто организовал эти игры?

Может быть, сама стрела?

Гегель, который рассматривал этот эпизод, говорил.

Это великий вопрос об ответственности.

Именно с этим вопросом столкнулся сын Карена Хачиковича.

Что-то надо сделать с этим камнем, наказать?

Чтобы мальчик не спотыкался.

Или с самим мальчиком?

Чтобы он не спотыкался?

Даже в четыре года ребенок соприкасается с философией.

Поскольку он уже относится к миру в рамках своего размышления, в рамках такого ответственного суждения.

В завершение хочу сказать еще раз.

Большое спасибо всем докладчикам.

И Карену Хачиковичу, который был инициатором обсуждения этого вопроса, за его прекрасный доклад.

Владиславу Александровичу, Владимиру Сергеевичу, всем за такой интересный разговор.

И за то, что вы все-таки философию представили самым лучшим образом.

Наш Научно-консультативный совет имеет в своем названии и психологию, и социологию, и право.

А философии не имеет, Гарегин Ашотович.

Вот теперь и она появилась.

Спасибо.

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Тосунян Г.А.: Спасибо, Абдусалам Абдулкеримович.

Коллеги, буду краток.

Я уже говорил слова благодарности.

Так что и в этой части буду краток.

Принимаем предложение Карена Хачиковича.

«Сферы общественной жизни» как ключевое название одной из тем нашего заседания.

Это не значит, что вопрос будет рассмотрен в ближайшее время.

Когда будет возможность, мы включим.

У нас инициатива наказуема.

Карен Хачикович, Вы подготовите предложение.

Содокладчиков тоже Вы подберите, пожалуйста.

Момджян К.Х.: Хорошо.

Тосунян Г.А.: Вторая Ваша инициатива.

По поводу изданий.

Составьте, пожалуйста, соответствующую бумагу.

Чтобы эти издания были включены в перечень научных работ.

Гусейнов А.А.: Гарегин Ашотович, одну минутку.

То, на чем я споткнулся.

Это был спор Протагора с Периклом.

Этот спор излагается в биографии Перикла.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Абдусалам Абдулкеримович, теперь к вопросам, которые Вы затронули.

В названии нашего Научно-консультативного совета нет философии.

Должен себя оправдать.

Я умышленно, кажется, не стал вставлять это.

Не только потому, что получилось бы слишком длинное название.

А потому, что философия в некотором смысле имманентна.

Она присутствует в каждом слове нашего названия.

Гусейнов А.А.: Я абсолютно уверен, что это очень хорошо.

Мы вместе с Вами обсуждали.

Степин участвовал, когда формулировали название.

Так что отсутствие философии было хорошим решением.

Тосунян Г.А.: Существует множество форм взаимодействия философии с другими науками.

Правовые, психологические, социально-экономические вопросы общества.

Их невозможно рассматривать отдельно.

Они взаимосвязаны и переплетаются в единой системе знаний.

В системе, где философия играет роль связующего звена.

Что касается сегодняшнего обсуждения.

Остановлюсь на некоторых моментах.

Они показались мне важными.

Карен Хачикович сказал, что будет возможность запрограммировать ребенка.

И мы превращаем его из субъекта в объект.

Лекторский В.А.: Это я говорил.

Тосунян Г.А.: Прошу прощения, ошибся.

Тогда получается, что мы воспитываем ребенка, мы закладываем ему какие-то ценности...

Мы тоже в таком случае превращаем его из субъекта в объект?

Здесь я бы уточнил.

Не этого надо опасаться, все-таки в детей мы закладываем некоторое свое представление о ценностях.

Кажется, Владимир Сергеевич высказал такую мысль.

Власть — это присвоение чужой воли.

Но гораздо важнее понять и внушить обществу мысль, что власть, предоставленная тебе в результате выборов или назначения, — это в первую очередь высочайшая ответственность.

Одна из наших задач — донести это не только до самого общества, но донести до властных структур, до руководителей компаний.

Власть — это не дарованное тебе право распоряжаться имуществом концерна или фирмы.

Тем более — государства.

А это — величайшая ответственность.

Без осознания этого невозможно соответствующее развитие общества.

К сожалению, этого понимания нет. Более того, этот подход не культивируется.

Он не ставится во главу угла.

Наоборот.

Создается ощущение, что власть — это право делать все, что хочешь.

Власть часто воспринимается как вседозволенность.

На этом надо сосредоточить особое внимание.

Эту проблему важно обсуждать открыто, не только на научном, малодоступном для широкой общественности уровне.

Но и на понятном, простом, доступном для большинства людей языке.

Власть должна быть ограничена ответственностью перед обществом.

Эту мысль нужно доносить до миллионов наших граждан.

Поделюсь, какие программы мы планируем реализовать через Совет, чтобы эти понятия были в обиходе широкого круга.

Когда я беру на себя ответственность, я не могу не обратиться к философским понятиям.

Мы, конечно, философствуем все.

Некоторые, как отмечалось, ощущают себя великими философами.

При этом не имея даже образования.

В самом деле, многие из нас не являются философами.

Но это не означает, что мы не обращаемся к этой науке, что мы не пользуемся ее результатами.

Точно так же, как мы не диетологи.

Но оценивать качество пищи применительно к себе имеем право.

Владислав Александрович отметил доверие и критическое отношение.

Наука должна в себе нести эти характеристики.

Она базируется на этих двух критериях.

Тем более что слово «доверие» имеет для нас особое значение.

Оно не случайно в названии института, с которым мы совместно проводим наши заседания.

Это Институт Доверия, Достоинства и Права.

Финансовый рынок тоже целиком или на 90% строится на факторе доверия.

Однако надо признать, что слово «доверие» мы используем иногда всуе.

Сегодняшнее наше обсуждение, мне кажется, не всегда воспринимаемо неспециалистами.

Огромное спасибо за школу, которую каждый из нас сегодня прошел.

Надеюсь, философские темы у нас будут присутствовать постоянно.

На этом завершаем.

Спасибо.

**Список литературы, опубликованной по итогам
заседаний НКС ООН РАН, НИИ ДДиП
и «Открытых дискуссий президента АРБ»**

1. Анализируя сегодня, говорим и думаем о будущем (18.04.2020) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 175 с.
2. Предновогодние заседания: 2020, 2021 (31.12.2020, 31.12.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 206 с.
3. Ответственность пациентов и врачей. Уровень здравоохранения в России (03.04.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 124 с.
4. Конкурентоспособность российской науки: проблемы и решения (03.04.2021, 17.04.2021, 15.05.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 333 с.
5. О проекте «Стратегия развития финансового рынка до 2030 года» (09.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2021. – 155 с.
6. О развитии конкуренции в сфере науки (30.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 130 с.

7. Социально-профессиональные проблемы прекаризации труда (18.12.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 131 с.
8. Инвалидность и жизнь (12.02.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 106 с.
9. Новая экономическая реальность: региональный разрез. Российский рынок драгоценных металлов (21.04.2022, 15.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 161 с.
10. 1. Санкции. 2. Перспективы экспорта российских нефти и газа в условиях санкционного давления. 3. Интернет-торговля: текущая ситуация и перспективы (11.06.2022, 25.06.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 242 с.
11. Демография России: тренды последних лет и краткосрочный прогноз (15.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 120 с.
12. Общее образование: проблемы и решения (29.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 148 с.
13. Китай: вчера, сегодня, завтра (19.11.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 189 с.

14. Одаренные дети. «Гадкие лебеди» братьев Стругацких как антиутопия кризиса образования: межпоколенческий дефолт (17.12.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 163 с.
15. 2022-й – «Особый». 2023-й риски и ожидания (31.12.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 134 с.
16. Закат общества конкуренции и коллаборативное преимущество (21.01.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 128 с.
17. 1. Мировой океан: ресурсы и влияние на климат. 2. Безусловный базовый доход: шанс для России? (04.02.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 148 с.
18. Психологическое состояние российского общества (18.03.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 192 с.
19. О мозге (01.04.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 187 с.
20. Китай: открытая дискуссия. Социальный рейтинг в Китае (26.04.2023, 27.05.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 185 с.

21. Индия: вчера, сегодня, завтра. Взаимодействие России и Индии в условиях глубокой структурной трансформации российской экономики (29.04.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 152 с.
22. Денежно-кредитная политика и монетизация экономики (13.05.2023, 11.05.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 238 с.
23. Молодежь и мошенничество (31.05.2023) Теория поколений и модели мира (22.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 158 с.
24. Социальное неравенство (10.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 145 с.
25. Национальная сила: оценка и практическое применение. Гипотеза общественного прогресса: аргументы «за» и «против» (24.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 179 с.
26. Турция: вчера, сегодня, завтра (08.07.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 102 с.
27. Научное лидерство и человеческий капитал (22.07.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 150 с.

28. Цифровые валюты центральных банков (26.08.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 151 с.
29. Общество и государство (09.09.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 163 с.
30. Искусственный интеллект (14.10.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 182 с.
31. «Зеленая» экономика: принципы и проблемы (18.11.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 164 с.
32. Институт финансового омбудсмена, его роль в развитии общества (25.11.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 152 с.
33. 2023-й итоги. 2024-й перспективы (30.12.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 136 с.
34. Генномодифицированные продукты: «за» и «против» (03.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 102 с.
35. Банки Китая: стратегия развития (03.02.24) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 90 с.

36. Проблема общечеловеческих ценностей, Причины ценностных противостояний в современном мире (17.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 162 с.
37. Искусственный интеллект в банковской сфере (29.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 121 с.
38. Мозговая активность в пожилом возрасте (паркинсон, альцгеймер, деменция) (06.04.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 162 с.
39. БРИКС. Платежные системы (20.04.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 173 с.
40. Цивилизация. Что это? (25.05.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 208 с.

Электронные версии сборников
можно скачать по ссылке

<https://rannks.ru/p/press/>

Философия в современном мире

Материалы заседания 16 ноября 2024 года

Подписано в печать 10.06.2025

Формат 60x90/16

Цифровая печать

Тираж 500 экз. Заказ №51

Отпечатано в ООО «НОВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
117525, г. Москва, ул. Днепропетровская, д. 3, корп. 5, пом. III

Научно-консультативный совет Отделения общественных наук РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы. В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: в каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?

Сопредседатели Совета: академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

Ассоциация российских банков учреждена в марте 1991 года. Миссия Ассоциации российских банков – реализация программы банкизации страны, создание условий для эффективного функционирования, развития банковской системы России и обеспечения ее стабильности, защиты прав, интересов банков и условий для справедливой рыночной конкуренции; участие в построении национальной финансовой экосистемы, основанной на принципах соблюдения прав и реализации комплекса мер по повышению финансовой грамотности потребителей.

Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права учрежден в конце 2019 года.

Цель института - многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия, достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.